

БОГЪ. ЦАРЬ. НАЦІЯ.

ОСНОВЫ РУССКАГО СВЕРХНАЦИОНАЛИЗМА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
БАЛТИЙСКАГО АВАНГАРДА
РУССКАГО СОПРОТИВЛЕНІЯ
– Б.А.Р.С. –

КЁНИГСБЕРГЪ 2014

Представленная работа концептуально выражает взгляд организации на фундаментальные политическія понятія и явленія національной жизни. Она вобрала въ себя наиболее глубокіе выводы классиковъ русскаго націонализма, раскрывая существо Русской націи какъ внѣвременнаго духовнаго цѣлаго и указывая на пути восстановленія россійской національной государственности.

«Сверхнаціоналізмъ доступенъ только настоящему націоналисту: только онъ сумѣетъ увидѣть ширь духовной вселенскости и не соблазниться ею – не соскользнуть въ духовную беспочвенность».

- Иванъ Ильинъ, «Путь духовнаго обновленія», 1937.

* * *

На протяженіи всей своей жизни каждый человѣкъ вступаетъ въ тѣ или иныя отношенія съ представителями конкретной націи, культура которой является для него родной. Причемъ, эти отношенія въ основномъ выражаются какъ въ качествѣ сознательнаго цѣленаправленнаго воздѣйствія на формированіе его личности (воспитанія), такъ и въ качествѣ стихійнаго процесса трансформациі его индивидуальнаго сознанія подъ дѣйствіемъ окружающей среды.

Однако, такъ или иначе, человѣкъ подъ воздѣйствіемъ этихъ и другихъ факторовъ произвольно формируетъ и свое личное отношеніе къ націи, членомъ которой онъ является по рожденію, воспитанію или, напротивъ того, въ результатѣ своего свободнаго выбора въ сознательномъ возрастѣ.

Отношеніе это, разумѣется, распространяется не только на бытовыя формы національной жизни, но и на національное государство и національные идеалы.

Отношеніе конкретнаго человѣка къ націи имѣетъ для него, независимо отъ того, осознаетъ онъ это или нѣтъ, значеніе первостепенной важности, поскольку оно неизбежно отражается на всей его личной и общественной жизни. Человѣкъ, сформировавшій собственное отношеніе къ націи, такъ или иначе участвуетъ въ національной жизни.

Однако, это участие качественно может быть либо *созидательнымъ*, либо *разрушительнымъ*. Качество (созидательное или разрушительное) участія челоуѣка въ жизни націи обуславливается самой формой (образомъ) его мышленія.

Къ формамъ мышленія, отражающимъ созидательный характеръ отношенія челоуѣка къ націи, относятся: патриотизмъ, націонализмъ и сверхнационализмъ.

Каждой изъ этихъ формъ (образовъ) мышленія, отражающихъ созидательное отношеніе челоуѣка къ націи, противостоитъ форма мышленія, имѣющая *разрушительный* характеръ отношенія челоуѣка къ націи. Патриотизму противостоитъ индивидуализмъ, национализму - космополитизмъ, а сверхнационализму - утопизмъ.

Дадимъ опредѣленія всѣмъ этимъ формамъ мышленія. **Патриотизмъ** – форма мышленія, постулирующего пріоритетъ національно-государственныхъ интересовъ надъ личностными.

Индивидуализмъ – форма мышленія, постулирующего пріоритетъ личностныхъ интересовъ надъ національно-государственными.

Въ традиціонномъ обществѣ патриотизмъ всегда имѣетъ положительную оцѣнку большинства людей, и привитіе такой формы мышленія съ дѣтскаго возраста является важнѣйшимъ направлениемъ національнаго воспитанія. Индивидуализмъ, напротивъ, обычно осуждается общественнымъ мнѣніемъ.

Стоитъ имѣть въ виду тотъ фактъ, что далеко не всякая привязанность челоуѣка къ родинѣ и формамъ народнаго быта, и обусловленные этой привязанностью поступки, являются слѣдствіемъ патриотизма.

Въ челоуѣкѣ, наряду съ сознательными, дѣйствуютъ побужденія и безсознательныя - такія, въ основѣ которыхъ лежатъ инстинкты, которые есть и у животныхъ. Эти инстинкты побуждаютъ челоуѣка охранять свое, родное, то, къ чему челоуѣкъ привыкъ, и потеря чего могла бы значить коренное измѣненіе образа жизни.

Но въ то время какъ поведеніе животного опредѣляется исключительно инстинктами и напрямую зависитъ отъ окружающей среды, поведеніе человѣка, напротивъ, является свободнымъ и разумнымъ. Поэтому человѣкъ способенъ оперировать абстрактными понятіями и видѣть въ совокупности «родныхъ» и «знакомыхъ» не только толпу или народъ, но и націю, и такимъ образомъ осознавать національные интересы, декларируемые національнымъ государствомъ.

Въ осознаніи этихъ національныхъ интересовъ и въ готовности пожертвовать ради нихъ чѣмъ-то своимъ, личнымъ, даже самой жизнью, и заключается смыслъ патриотизма.

Здѣсь необходимо разъяснить, въ чѣмъ состоитъ отличіе націи отъ народа и племени. **Народъ** есть нѣкая безформенная численная масса, которая отличается своеобразнымъ укладомъ жизни и специфическимъ бытомъ. Народъ сохраняетъ относительную цѣлостность только благодаря общему языку и набору уникальныхъ психологическихъ чертъ.

Будучи, какъ правило, совокупностью однокоренныхъ племенъ, основаніемъ народной психологіи является родовой инстинктъ. Народъ, самъ по себѣ, въ отличіе отъ **націи**, не является субъектомъ міровой исторіи, поскольку ещё не способенъ воздвигнуть свою національную государственность.

Нація – это народъ, отличающийся національнымъ самосознаніемъ и имѣющей національную идею. То есть, нація – это еще и такое специфическое состояніе народа, при которомъ возможно наиболѣе полное народное единомысліе.

Національное самосознаніе – это ясное для каждого представленіе о мѣстѣ даннаго народа въ мірѣ. **Національная идея** – это общезначимое представленіе объ уникальной міровой миссіи даннаго народа.

Національное самосознаніе и національная идея дѣлаютъ возможнымъ **національный политическій идеаль** - образъ должнаго общественнаго устройства, основаннаго на извѣстномъ народномъ правѣ какъ нравственномъ регуляторѣ

межличностныхъ отношеній, то есть общенародномъ представленіи о томъ, что есть правда.

Въ основѣ націи всегда лежатъ общезначимыя религіозныя представленія. Въ каждомъ народѣ, въ той или иной степени, развито религіозное міровоззрѣніе, являющееся, кромѣ всего прочаго, слѣдствіемъ естественной духовной потребности человѣка.

Часто опредѣляющимъ факторомъ усвоенія въ человѣкѣ той или иной формы (образа) мышленія является вопросъ о конечныхъ цѣляхъ земнаго бытія, который каждая личность рѣшаетъ самостоятельно. Человѣку для того, чтобы жить **сознательно**, необходимо знать достовѣрно о томъ, какой силой онъ былъ созданъ и съ какой цѣлью. Только такъ, а никакъ иначе, самимъ человѣкомъ ставится одинъ изъ главныхъ вопросовъ всей его жизни.

Результатомъ отвѣта на этотъ вопросъ становится выборъ одной изъ двухъ основополагающихъ концепцій взгляда на міръ - религіозной или атеистической.

Замѣтимъ, что не всѣ люди живутъ сознательно, а потому ихъ отношеніе къ націи не можетъ быть классифицируемо. Впрочемъ, такіе безразличные индивидуумы мало чѣмъ отличаются отъ животныхъ, поэтому мы о нихъ говорить не будемъ.

Итакъ, **религія** есть міровоззрѣніе, а также сопряженное съ нимъ поведеніе людей, опредѣляемое вѣрой въ существованіе сверхъестественной сферы бытія, и какъ слѣдствіе – чувствомъ связанности, зависимости и долженствованія по отношенію къ тайной сверхъестественной силѣ, задающей цѣль жизни и достойной поклоненія.

Атеизмъ, въ свою очередь, есть такое міровоззрѣніе, которое опредѣляется вѣрой въ невозможность существованія сверхъестественнаго, и какъ слѣдствіе – убѣжденностью въ безцѣльности, случайности человѣческаго существованія.

Патріотизмъ, въ большинствѣ случаевъ, обуславливается не религіознымъ міровоззрѣніемъ, а естественнымъ чувствомъ

общности, вѣрности своей націи. Поэтому патриотомъ конкретной націи не обязательно будетъ являться представитель ея государственной религіи (религіи большинства). Это объясняется тѣмъ, что патриотъ – это только, по тѣмъ или инымъ причинамъ, преданный конкретному національному государству человекъ. Онъ не осмысляетъ основныя начала націи (однимъ изъ которыхъ всегда является конкретная религія), воздвигшей это національное государство, и не видитъ въ нихъ необходимаго условія его существованія.

Для патриотизма вообще характеренъ низкій уровень рефлексіи (осмысленія) именно въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются национальныхъ идеаловъ. Поэтому въ случаѣ крушенія національнаго государства патриотизмъ, какъ правило, не находитъ себѣ примѣненія лучшаго, чѣмъ адаптація къ новымъ условіямъ.

Эта форма мышленія готова принять любое коренное измѣненіе въ государственномъ бытіи націи потому только, что его поддерживаетъ большинство.

Противоположностью патриотизма выступаетъ индивидуализмъ – утвержденіе примата личныхъ интересовъ какъ единственно реальныхъ и существенныхъ, который не только не связанъ съ национальной религіей, но и въ большинствѣ случаевъ является слѣдствіемъ атеистическаго міровоззрѣнія.

Вслѣдствіе того, что религія національнаго государства, или еѣ исповѣданіе отличны отъ вѣроисповѣданія (взглядовъ на жизнь) этихъ людей, национальные идеалы не находятъ въ ихъ душахъ полного сочувствія, а національное государство не является выразителемъ и воплостителемъ ихъ стремленій.

Поэтому такіе представители націи не считаютъ, что ради общенациональныхъ интересовъ имѣетъ смыслъ жертвовать своей личной безопасностью. Какъ и для патриотизма, для индивидуализма характерна низкая степень рефлексіи.

Второй уровень относительныхъ формъ мышленія составляютъ национализмъ и космополитизмъ. **Национализмъ** –

форма мышления, отождествляющего национальное благо с личным благомъ. **Космополитизмъ** – форма мышления, противопоставляющего национальному благу личное благо.

Очевидно, что националистовъ всегда меньше, чѣмъ патриотовъ, равно какъ и космополитовъ всегда меньше, чѣмъ индивидуалистовъ. Это объясняется тѣмъ, что национализмъ и космополитизмъ требуютъ отъ человѣка **большаго напряженія** душевныхъ и физическихъ силъ, чемъ патриотизмъ и индивидуализмъ.

Национализмъ означаетъ такое отношеніе человѣка къ націи, которое заставляетъ его жить націей, считать интересы націи своими интересами, национальныя неудачи – прежде всего своими неудачами. Национализмъ есть добровольное и пожизненное служеніе национальному государству не за страхъ, а за совѣсть, не только въ минуту всеобщей опасности, но и каждодневно и на любомъ мѣстѣ съ единственной мыслью о пользѣ націи.

Патриотизмъ не имѣетъ такого духовнаго напряженія, онъ смотритъ на национальное государство какъ на что-то совершенно отъ него независящее, хотя и требующее отъ него извѣстныхъ жертвъ. Национализмъ, напротивъ, воспринимаетъ национальное государство какъ **вышую форму организаціи общества**, для поддержанія существованія которой необходимо активное и добровольное участіе гражданъ въ жизни націи.

Причемъ национальные интересы, которые становятся для националиста интересами глубоко личными, осознаются имъ благодаря не столько деклараціи национальнаго государства, сколько личному опытному изученію народнаго быта и национальной исторіи.

При крушеніи национальнаго государства, националистъ можетъ находить свое примѣненіе только въ борьбѣ за самостоятельность своего народа и свободу его религіозной жизни. Но такъ же, какъ и патриотизмъ, национализмъ отличается неспособностью формулировать ясные национальные идеалы, и какъ слѣдствіе, такая форма мышления и

обусловленная ею дѣятельность не могутъ привести въ дѣйствіе національно-созидательные механизмы народной психологіи.

Это означаетъ, что ни патріотизмъ, ни націонализмъ не являются достаточнымъ условіемъ для созиданія націи и національнаго государства. Однако, въ условіяхъ существованія національнаго государства, добровольное служеніе значительнаго числа націоналистовъ верховной власти въ государствѣ обезпечиваетъ его развитіе и охраняетъ государство отъ дѣйствія разрушительныхъ силъ. Этому весьма способствуетъ то обстоятельство, что націонализмъ неизбежно согласуется съ конкретной общенациональной религіей, во многомъ опредѣляющей національные идеалы.

Касательно вопроса о верховной власти, признаваемой націей за таковую, необходимо замѣтить, что въ національномъ государствѣ она можетъ находить свое выраженіе только въ трехъ **правомѣрныхъ** формахъ: въ демократіи, аристократіи и монархіи.

Сама верховная власть есть то, что во мнѣніи націи составляетъ объединяющую всѣхъ ея членовъ силу, и притомъ не только въ видѣ отвлеченнаго принципа, но и также въ конкретномъ его представительствѣ. Верховной властью могутъ являться либо власть численнаго большинства въ народѣ (власть грубой физической силы), либо господство «лучшихъ людей» націи (власть разумной, качественно высшей силы), либо власть божественная, делегированная Богомъ конкретному самодержавному правителю (власть религіозно-нравственнаго идеала).

Итакъ, если націонализмъ, въ большинствѣ случаевъ, обуславливается религіознымъ міровоззрѣніемъ, общимъ для всей націи, то противостоящій ему космополитизмъ часто является выразителемъ гражданскаго недовольства тѣхъ представителей націи, критическое отношеніе которыхъ къ національному государствѣ является порожденіемъ ихъ атеистическаго сознанія.

Космополитизмъ, противопоставляя личные интересы человѣка интересамъ національнымъ, можетъ выражаться какъ въ полномъ игнорированіи національнаго государства, по представленію космополита только сковывающаго его передвиженія и усложняющаго его жизнь, такъ и въ откровенно нигилистическомъ отношеніи къ національнымъ интересамъ и національной культурѣ, доходящемъ до борьбы съ національнымъ государствомъ.

Космополитизмъ, однако, не отрицаетъ необходимости опредѣленнаго общественнаго порядка. Но, часто, допускаетъ его не въ формѣ національныхъ государствъ, а въ видѣ широкихъ межнаціональныхъ союзовъ, стирающихъ до нѣкоторой степени государственныя границы и обезличивающихъ сами націи.

Помимо указанныхъ выше двухъ уровней относительныхъ формъ мышленія, мы выдѣляемъ третій уровень, которому и посвящена данная работа.

Сверхнаціонализмъ – форма мышленія, отождествляющаго высшее національное благо съ образомъ идеальнаго національнаго государства, то есть такого государства, которое въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ извѣстному національному идеалу.

Утопизмъ – форма мышленія, отождествляющаго высшее личное благо съ образомъ такого идеальнаго общества, въ которомъ будутъ невозможны ни націи, ни національные государства.

И дѣйствительно, всѣ утопіи, какъ плодъ фантазіи утопистовъ, фактически исключаютъ возможность національной жизни. Если утопическое общество – это механизмъ, то нація – живой организмъ. Утопія – это насиліе надъ природой человѣка, творимое во благо узкаго круга лицъ (класса, сословія, партіи, конкретной личности и т.д.) Нація – это свободная реализація творческаго потенціала человѣка, высшая естественная форма организаціи человѣческаго общества.

И если утопизмъ всегда исходитъ изъ атеистическаго міровоззрѣнія, то его противоположность – сверхнаціонализмъ – всегда исходитъ изъ религіознаго міровоззрѣнія: утопистъ ищетъ **источникъ идеала** въ самомъ себѣ, сверхнаціоналистъ – въ Богѣ.

По своей природѣ, сверхнаціонализмъ является универсальной формой мышленія, специфическимъ отношеніемъ къ націи, свойственнымъ во всѣ времена лучшимъ представителямъ всѣхъ націй.

Онъ призванъ **превзойти націонализмъ**, преодолѣть его узость и косность, возвести его на высшую степень **сознательности**, а значитъ и - жертвенности.

Третій уровень относительныхъ формъ мышленія, объектомъ которыхъ является нація, отличается отъ первыхъ двухъ **вышимъ напряженіемъ духа**. Именно поэтому антагонизмъ между созидательными и разрушительными формами мышленія достигаетъ максимальнаго значенія именно на третьемъ уровнѣ.

Исходя изъ опредѣленія сверхнаціонализма, становится ясно, что сверхнаціонализмъ не останавливается, подобно націонализму, на одномъ лишь служеніи націи и національному государству съ его насущными интересами - служеніи, не имѣющемъ въ своихъ цѣляхъ **идеальныхъ представленій** о должномъ общественномъ устройствѣ.

Сверхнаціонализмъ осмысляетъ національную исторію и находитъ въ ней конечныя цѣли жизни націи, формулируетъ **национальную миссію**. Очевидно, что для этого сверхнаціонализмъ опирается исключительно на религіозныя представленія народа, которыя однѣ только и дѣлаютъ возможнымъ всякій національный идеалъ, который, въ свою очередь, является условіемъ существованія самой націи.

Болѣе того, сверхнаціонализмъ находитъ свое оправданіе только въ конкретной общенародной религіи, то есть въ той религіи, которая составляетъ одно изъ **основныхъ началъ націи**

и оказываетъ непосредственное вліяніе на формированіе **національной идеи**.

Поэтому для сверхнаціонализма характерно стремленіе къ созиданію такой національной государственности, въ которой верховной властью будетъ власть религіозно-нравственнаго идеала, то есть, къ автократической (монархической) государственности, отражающей представленіе объ Единомъ Богѣ, и воплощающей наиболѣе эффективную форму организаціи націи.

Для сверхнаціонализма представителей христіанскихъ народовъ очевидно духовное превосходство монархической государственности надъ аристократической и демократической государственными формами. Въ этомъ случаѣ, сверхнаціонализмъ осознаетъ единоличную власть наслѣдственнаго монарха наилучшимъ орудіемъ осуществленія національныхъ идеаловъ, а особенно тѣхъ идеаловъ, которые непосредственно связаны съ религіей народа.

Сверхнаціонализмъ обычно выходитъ на первый планъ тогда, когда патріотизмъ и націонализмъ оказываются безсильны, то есть въ моментъ національной катастрофы или въ послѣдующее послѣ нея время. Сверхнаціонализмъ выявляетъ причины національнаго паденія и заявляетъ о необходимости новой **національной идеи**, способной сплотить народъ въ націю. Эта новая національная идея почти всегда является либо усовершенствованнымъ подобіемъ національной идеи какой-либо другой исторической націи, либо прямой реставраціей уже однажды попоранной самимъ народомъ національной идеи.

Здѣсь необходимо замѣтить, что при отсутствіи вѣроисповѣднаго единства въ народѣ, этотъ народъ можетъ стать націей только при опредѣленныхъ условіяхъ. А именно въ томъ случаѣ, если въ основѣ этого народа лежитъ единое религіозное міровоззрѣніе - такъ называемая позитивная религія, то есть религія внѣ конкретныхъ вѣроисповѣдныхъ ея особенностей (направленій), раздѣляющихъ народъ.

Если, къ примѣру, народъ состоитъ изъ католиковъ и протестантовъ, то основой его единства будетъ являться позитивное христіанство, которое и станетъ однимъ изъ основныхъ началъ націи, и своеобразнымъ образомъ повліяетъ на формированіе національной идеи. Именно такъ было въ возрожденной изъ пепла Германской Имперіи, возглавляемой немецкими сверхнаціоналистами.

Если же въ основѣ народа нѣтъ единого религіознаго міровоззрѣнія, тогда преобразование такого народа въ націю невозможно.

Политическія идеологіи сверхнаціоналистовъ разныхъ странъ могутъ быть весьма отличны другъ отъ друга. Это объясняется тѣмъ, что сверхнаціонализмъ есть **форма**, то есть внѣшнее выраженіе нѣкакого **содержанія**. А потому, разница между сверхнаціоналистическими политическими идеологіями коренится именно въ этомъ своеобразномъ содержаніи.

Что же касается идеологическаго содержанія сверхнаціонализма, то оно опредѣляется тѣми идеологическими положеніями, которыя и дѣлаютъ возможнымъ всякій сверхнаціонализмъ – національные идеалы, основныя начала конкретной націи, а также основы соціальнаго устройства, соотвѣтствующія національнымъ идеаламъ.

Именно эти идеологическія положенія даютъ основаніе называть тотъ или иной сверхнаціонализмъ русскимъ, итальянскимъ, немецкимъ и проч., въ зависимости отъ его національнаго содержанія.

Поскольку задачей сверхнаціонализма является **созиданіе націи**, матеріаломъ для него становится конкретно-историческій народъ. Преображеніе народа въ націю можетъ происходить въ теченіе совершенно незначительнаго промежутка времени. Это вопросъ народной психологіи. Однако, такое преображеніе возможно только при наличіи въ народѣ достаточнаго числа сверхнаціоналистовъ, способныхъ вселить въ души своихъ соотечественниковъ вѣру въ вѣчный національный идеаль.

Однако, если народъ настолько огрубѣлъ нравственно, что послѣдніе остатки религіозной вѣры и національныхъ преданій уже не находятъ себѣ мѣста въ душахъ большинства людей, если народъ потерялъ свое имя и обликъ, превратился въ псевдочеловѣческую массу, безразличную къ истинѣ и враждебную высшимъ идеаламъ, тогда всякое организованное массовое созидательное движеніе становится практически невозможнымъ.

Такое печальное явленіе можно наблюдать на территоріи Россіи сегодня. Русскій народъ, потерявъ сознание неразрывной связи поколѣній, отринувъ прежнія религіозныя основы своей жизни, утратилъ и собственную народную волю, а потому надъ нимъ до сихъ поръ властвуютъ и будутъ властвовать политическіе воры, организовавшіе жалкое подобіе государства, преслѣдующаго свои, узко-партійныя цѣли.

Въ такихъ случаяхъ сверхнаціонализмъ ставитъ цѣлью превращеніе безформенной народной массы въ **націю**, вселяя въ душу каждаго отдѣльнаго человѣка религіозную вѣру и прививая въ ней любовь къ національной исторіи.

Сверхнаціоналисты являются тѣми здоровыми національными элементами, которые способны внушить еще сохранившимъ человѣческой обликъ представителямъ безбожнаго народа необходимость снова стать націей.

Необходимость эта сознается тѣмъ сильнѣй, чѣмъ очевиднѣй катастрофическія послѣдствія національнаго паденія, національнаго обезличиванія, превращенія народа въ историческій песокъ и мусоръ.

Появленіе сверхнаціоналистовъ, знающихъ и любящихъ историческіе національные идеалы своего Отечества, становится важнѣйшимъ факторомъ національной реабилитаціи, связанной, прежде всего, съ историческимъ осмысленіемъ причинъ своего паденія.

Среди этихъ причинъ всегда первое мѣсто занимаютъ причины внутренняго характера, коренящіяся въ недостаткахъ, соблазнахъ, ошибкахъ, грѣхахъ собственнаго народа.

Поэтому сверхнационализм, стремящийся къ созиданію національной государственности, вынужденъ исходить изъ правильнаго и трезваго представленія о духовномъ достоинствѣ своего народа. **Національная самокритика** какъ важнѣйшее условіе устраненія причинъ національнаго паденія становится непременнымъ признакомъ всякаго сверхнационализма.

Очевидно, что націонализмъ на это не способенъ. Націоналистическое мышленіе готово служить, но не дерзаетъ измѣнять міръ вокругъ, критиковать свой народъ какъ самага себя, и требовать отъ него соотвѣтствія высшимъ идеаламъ.

Въ результатѣ трезвой оцѣнки всѣхъ національныхъ слабостей, приведшихъ къ потерѣ народомъ независимости или къ полному разложенію самага народа, сверхнационализмъ созидаетъ **новый національный характеръ**.

Сверхнационализмъ стремится не къ возрожденію ушедшей въ небытіе націи со всѣми ея національными слабостями, пороками и неправдами, ставшими причиной національной катастрофы, а къ созиданію новой – націи героевъ, а въ христіанскомъ пониманіи – **націи святыхъ**.

Сверхнационализму какъ формѣ мышленія, отождествляющаго высшее національное благо съ идеальной государственностью, то есть Богомъ установленнымъ правопорядкомъ, завѣдомо недостижимымъ въ полной мѣрѣ, противостоитъ утопизмъ со своей ненавистью къ Божественному порядку, презрѣніемъ къ естественному праву и пошлой прагматичностью.

Вмѣсто **идеала** (совершенства) утопизмъ провозглашаетъ **нормативъ** (максимально возможное въ реальности благополучіе). Утопизмъ выражается въ революціонномъ движеніи, въ борьбѣ противъ традиціонныхъ цѣнностей и религій, противъ національныхъ государствъ и традиціоннаго общественнаго устройства.

Въ основѣ утопизма лежитъ исключительно атеистическое міровоззрѣніе, дающее ему достаточную силу и убѣжденность въ борьбѣ противъ традиціоннаго правопорядка.

Утопизмъ способенъ противостоять даже сильнымъ національнымъ государствамъ, покоящимся на ясномъ для всей націи національномъ идеалѣ.

Однако, почти всегда утопизмъ выходитъ на первый планъ именно въ моменты общенародной смуты, національнаго паденія. Утописты есть тѣ стервятники, которые питаются народнымъ горемъ, паразитируютъ на омертвѣломъ національномъ тѣлѣ.

Впрочемъ, утопизму не по силамъ бороться только съ тѣми націями, которыя признають надъ собой **верховную власть религіозно-нравственнаго идеала**, то есть власть божественную, делегированную Богомъ конкретному представителю націи — самодержавному государю, совершенно не зависящему отъ народной воли.

Утопизмъ питается народными кривотолками, суевѣріями, происходящими отъ маловѣрія, политическимъ индифферентизмомъ основной народной массы, на мнѣніе которой легко повліять. Однако, противостоятъ на равныхъ самодержавному Государю, право котораго властвовать и править признается всей націей единодушно, въ божественное предназначеніе котораго вѣритъ большинство народа, утопизмъ не способенъ. Для этого атеизмъ, лежащій въ основѣ утопизма, во всѣхъ случаяхъ слишкомъ слабъ и поверхностенъ.

Итакъ, утопизмъ есть двигатель всякаго разрушенія и причина всякой политической революціи въ національныхъ государствахъ.

Революціонныя организациі во всѣхъ странахъ міра вдохновлялись и продолжаютъ вдохновляться разными политическими и соціальными ученіями (марксизмъ, либерализмъ, гуманизмъ и проч.), неся народамъ ложь, насиліе и разрушеніе всѣхъ національныхъ формъ общественной жизни. Всѣ массовыя революціонныя движенія міра въ моментъ своего возникновенія являлись противоправными организациями въ каждой отдѣльной странѣ, такъ какъ ихъ идеологіи

протнворѣчили естественному пониманію большинства людей того, что есть правда.

Революціонеры же, если и прибѣгали въ своей гнусной агитаціи къ примитивнымъ лозунгамъ, соотвѣтствующимъ пониманію большинствомъ людей справедливости, то дѣлали это они изъ прагматическихъ соображеній и безъ малѣйшаго желанія воплотать свои лозунги въ жизнь. Имѣя въ основѣ своихъ ученій изначально противоправныя представленія объ обществѣ, революціонныя организаціи опирались не на народные массы, и, тѣмъ болѣе, не на лучшихъ людей націи (какъ это всегда стремились дѣлать традиціонныя политическія силы), а на подонковъ общества, уголовниковъ и изуверовъ, то есть на соціально-близкій революціонерамъ элементъ, существующій въ каждомъ народѣ.

Напримѣръ, большевицкая власть въ Россіи на первыхъ же порахъ особымъ декретомъ упразднила всѣ прежніе законы, гражданскіе и уголовные, всѣ судебные и административные органы, исполняющіе ихъ. Въ результатѣ этого революціоннаго акта по странѣ прокатилась волна грабежей, убійствъ и насилія. Декретами о свободѣ совѣсти, объ уничтоженіи сословій, декларацией правъ народовъ Россіи большевицкіе утописты планомѣрно уничтожали традиціонный правопорядокъ, въ сознаніи лучшихъ представителей Русской націи являвшійся Божественнымъ установленіемъ.

Постановленіемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ о красномъ террорѣ въ 1918 году коммунисты закрѣпляли «достиженія революціи». Революціонеры, свергая съ помощью нравственно развращеннаго народа традиціонную государственность, всѣми своими дѣйствіями доказывали тотъ фактъ, что революціонныя правительства не являются и не могутъ являться **государствами**.

Ни еврейскіе шовинисты, какими бы могущественнымъ политически они ни были, ни пираты, ни цыганѣ, ни большевики (и родственные имъ революціонеры всѣхъ странъ) не заключаютъ въ себѣ государственной идеи. Имъ нужна организація своего, частнаго интереса, а не общаго. Никакая

вообще спеціальная группа не несесть въ себѣ государственности, но лишь они вмѣстѣ, въ своемъ сложномъ разнообразіи, создаютъ **идею государства.**

Въ государствѣ осуществляются условія существованія не классового, не корпоративнаго, не сословнаго, не какого-либо другого, замкнутаго въ своихъ частныхъ или групповыхъ цѣляхъ, но условія существованія общенациональнаго.

Поэтому когда большевики, слѣдуя марксистскому учению, поднимали народы на классовую борьбу, то есть на войну отдѣльныхъ социальныхъ группъ внутри націи между собой, они преслѣдовали исключительно разрушительныя цѣли, и главной ихъ жертвой на пути къ міровому владычеству были – национальные государства. На мѣстѣ нѣкогда могущественныхъ христіанскихъ имперій, существовавшихъ не за счетъ насилія и принужденія, но покоившихся на основѣ добровольнаго подчиненія подданныхъ (гражданъ), и соотвѣтствовавшихъ извѣстному психологическому и нравственному состоянію создавшихъ ихъ націй, революціонеры могли создавать лишь нѣкоторое подобіе государства.

Къ числу такихъ государствъ относится и преступная организація С.С.С.Р., образованная въ 1922 году на основѣ созданнаго большевиками въ 1918 году такого же противоправнаго образованія «Россійская Федерация», существующаго и понынѣ.

Но никакое настоящее государство, образованное націей, никогда не станетъ уничтожать цѣлые классы, сословія, социальные группы. Какъ это дѣлали большевики, проводя политику массоваго террора противъ духовенства, буржуазіи, аристократіи, зажиточнаго крестьянства, казачества. Вѣдь это противорѣчитъ самой идеѣ государственности.

Такіе дѣйствія могутъ найти свое объясненіе только въ томъ случаѣ, если подъ революціонерами мы будемъ понимать въ бытовомъ отношеніи типичныхъ разбойниковъ и бандитовъ, а въ политическомъ - иноземныхъ захватчиковъ, обращающихся съ

подневольнымъ народомъ съ ненавистью атеистическаго фанатизма.

Главнымъ инструментомъ утопистомъ является ложь и насиліе. Тѣ, кого трудно обмануть обѣщаніями будущихъ земныхъ благъ, непременно будутъ либо уничтожены, либо принуждены уже обманутыми утопистами работать на дѣло окончательнаго порабощенія человѣчества. Въ этомъ и заключается страшный смыслъ настоящей революціи, которой могутъ противостоятъ только сверхнаціоналисты.

Всякое политическое ученіе, исходящее изъ представленій сверхнаціонализма, есть неизбежно **контръ-революціонное ученіе**. Потому что само существованіе не только національно-идеальнаго государства, но и вообще, націи, по опредѣленію, является фактомъ контрреволюціоннымъ.

Выше уже было сказано о томъ, что представленія объ идеалахъ націи, ея конечныхъ цѣляхъ, о должныхъ формахъ соціальнаго строя, государственности и народнаго быта составляютъ національное **содержаніе** всякаго сверхнаціонализма **какъ формы мышленія**.

Именно это содержаніе и даетъ право называть тотъ или иной сверхнаціонализмъ по имени конкретной націи, чьи идеалы онъ выражаетъ. Прежде чѣмъ говорить о національномъ содержаніи Русскаго сверхнаціонализма, необходимо указать на тѣ начала, которыя сдѣлали возможнымъ существованіе самой Русской націи.

Триада основныхъ національныхъ началъ была сформулирована въ 1833 году министромъ народнаго просвѣщенія графомъ С.С. Уваровымъ такъ: «**Православіе. Самодержавіе. Народность**».

Это тѣ спасительныя начала, безъ которыхъ Россія не могла благоденствовать, развиваться и даже существовать. То есть начала настолько безусловныя и обязательныя, что колебаніе и паденіе одного изъ нихъ неизбежно должно было повлечь за собой крушеніе Русской націи въ цѣломъ.

Исторія показала, что безъ любви къ вѣрѣ предковъ, къ православному христіанству, Русскій народъ пересталъ быть націей уже къ началу XX вѣка, поправъ нѣкогда общезначимые національные идеалы.

Это стало причиной неизбежного въ такихъ случаяхъ крушенія національной государственности - православнаго самодержавія, общенациональная вѣра въ необходимость котораго, въ свою очередь, составляло главное условіе политическаго существованія Россіи.

Народность же, будучи началомъ по отношенію къ первымъ двумъ — православію и самодержавію - преимущественно пассивнымъ, тѣмъ не менѣе, было тѣмъ **содержательнымъ своеобразиемъ** Русской націи, которое давало основаніе называть ея Русской.

Очевидно, что въ формулѣ **«Православіе. Самодержавіе. Народность»** доминирующей является религіозная составляющая, которая проникаетъ обѣ другіе, ибо религіозно санкціонируетъ и дѣлаетъ неприкосновенной свѣтскую власть, сообщая народности вселенское предназначеніе въ ея православно-христіанской миссіи по всей землѣ.

Православіе (ортодоксія) есть древнѣйшее христіанское исповѣданіе. По своему внутреннему упованію Православіе мыслить себя правымъ, или подлиннымъ, ученіемъ Христовымъ въ его изначальной полнотѣ и неповрежденной цѣлостности.

Для православія христіанство является не ученіемъ, а жизнью таинственнаго общенія съ Богомъ во Христѣ, и благодатнаго обновленія отъ Духа Святаго въ целокупномъ братствѣ вѣрующихъ, когда всѣ они единеніемъ вѣры съ Сыномъ Божиимъ усыновляются въ Немъ Отцу Небесному, и затѣмъ естественно бываютъ по благодати братьями между собой.

Очевидно, что по своей природѣ, православіе безусловно независимо отъ всѣхъ исторически-національных осуществленій. Наоборотъ, послѣднія питаются и живутъ имъ. Это же касается и Русской націи, которая, въ отличіе отъ многихъ другихъ, являлась **порожденіемъ Церкви**.

Другіе народы, до перехода въ христіанство, имѣли богатое языческое наслѣдіе. Русскіе славяне, напротивъ, до принятія святаго православія, не имѣли совершенно ничего: ни собственной національной государственности, ни самобытной культуры.

Благодатное сѣмя христіанскаго ученія упало на дѣвственно чистую почву восточно-славянскихъ язычниковъ и принесло наиболѣе богатые плоды чистой христіанской вѣры. Русскій народъ отдалъ христіанству свою душу нетронутой. Церковь дала русскимъ славянамъ всё, начиная съ письменности.

Поэтому вплоть до начала XX вѣка въ Россіи понятіе Русскій было тождественно понятію Православный. Православіе стало главнымъ содержаніемъ Русскаго народнаго духа.

Вторымъ основнымъ началомъ Русской націи являлась самодержавная монархія какъ историческая форма политическаго существованія Россіи. Самодержавная монархія стала національнымъ политическимъ идеаломъ въ результатѣ непосредственнаго вліянія Церкви на формированіе Русской націи.

Дѣло въ томъ, что, согласно ученію Православной Церкви о государственной власти, власть православнаго самодержавнаго монарха является наилучшей властью, поскольку согласуетъ свои конечныя цѣли съ цѣлью самой Церкви. Самодержавная монархія объявляется Церковью единственной богоустановленной формой государственной власти на землѣ какъ полностью соотвѣтствующая божественному предназначенію всякой власти вообще: имѣющимися въ ея распоряженіи средствами, въ томъ числѣ съ помощью принужденія и насилія, препятствовать распространенію зла и содѣйствовать утвержденію добра.

Такимъ образомъ, русскій народъ, который одной стороной своего бытія составлялъ наряду съ другими народностями Церковь, создалъ свою особую національную концепцію государственности, которая ставила выше всего,

выше юридических отношений, начало религиозное. Этим создана русская монархия какъ верховенство нравственного идеала, и она много вѣковъ вела русскій народъ къ развитію и преуспѣянію, ко всемірной роли, къ первой роли среди народовъ земныхъ – именно на основѣ такого характера государственности.

Сущность самодержавной монархii въ томъ, что верховной властью въ государствѣ является не народъ, а единоличный монархъ, вслѣдствіе милости Божіей къ православному народу надѣленный всѣми законными правами для исполненія своихъ обязанностей передъ Богомъ.

Царь, по существу своей власти, **безотвѣтствененъ передъ націей**, ибо не нація дала ему свою власть, но Богъ, передъ которымъ онъ и будетъ отвѣчать за свои дѣла и за всѣ грѣхи своего народа.

Такимъ образомъ, русскій православный царь ограниченъ не народной волей, не многоятежнымъ человѣческимъ хотѣніемъ, по выраженію Государя Іоанна IV Васильевича Грознаго, но русскимъ **національнымъ идеаломъ**, такимъ, какимъ онъ былъ сформулированъ самой націей подъ непосредственнымъ вліяніемъ Церкви.

Третье основное начало Русской націи – **великорусская народность** – есть первая среди прочихъ народностей, составляющихъ Русскую націю. Она есть та человѣческая масса, отличающаяся специфическимъ народнымъ бытомъ и особымъ укладомъ жизни, которая въ результатѣ органическаго пріятія православной вѣры и церковнаго ученія о государствѣ стала объединительнымъ ядромъ Россіи.

Подъ народностью понимается также великорусскій языкъ, ставшій въ Россіи государственнымъ, народная мудрость, православный духъ которой вылился въ геніальныя произведенія русскихъ писателей, народные обычаи, традиции и другія формы русской народной культуры.

Основныя начала Русской націи, благодаря которымъ стало возможно существованіе исторической Россіи такой, какой

она всегда была, лежали и въ основѣ неизменной Русской національной идеи Святой Руси – формулы русскаго національнаго спасенія.

И государственная форма, и социальный строй у каждой націи свои: они въ главной основѣ своей неизменны до исторической смерти націи, хоть и мѣняются въ частностяхъ отъ начала до конца. Постоянство государственной формѣ и социальному строю обезпечиваетъ незыблемость національной идеи въ народной душѣ, опредѣляющей всѣ стороны національной жизни.

Россія никогда не появилась бы, и русскій народъ такъ и не сталъ бы **націей**, если бы не единство исповѣданія христіанской вѣры на Руси, слѣдствіемъ котораго явилось единство политическое.

Русскій народъ испоконъ вѣковъ ставилъ цѣли религіозныя выше цѣлей сугубо политическихъ. Государство для него было лишь **средствомъ**, обезпечивающимъ возможность свободной религіозной жизни. Вообще, во всякомъ своемъ земномъ учрежденіи Русскій человекъ хотѣлъ видѣть образъ и подобіе Учрежденія Небеснаго, во всякомъ своемъ дѣлѣ – дѣло богоугодное, а во всякой своей вещи – вещь, такъ или иначе полезную для спасенія души.

Русскіе люди служили своему Государю и государству съ юныхъ лѣтъ до глубокой старости съ религіознымъ сознаниемъ того, что ихъ служба есть служеніе Богу, ибо сама русская государственная власть всегда считала единственной цѣлью своего существованія служеніе Богу, Божіей Правдѣ и Божіей Церкви.

Русскіе люди были убѣждены въ томъ, что они обязаны такъ самозабвенно служить Государю и своему государству для того, чтобы оградить свою страну отъ опасности захвата иновѣрцами или подчиненія равнодушной къ добру и злу государственной власти. Превыше всего, они считали своимъ долгомъ обезпечить себѣ и своему потомству возможность свободнаго исповѣданія святаго православія съ соблюденіемъ

православныхъ законовъ и обычаевъ. Никакихъ другихъ, внѣцерковныхъ, цѣлей въ государственной жизни наши предки себѣ не ставили.

Достиженіе славы, удовлетвореніе національной гордости, расширение государственныхъ границъ, обезпеченіе привольной, легкой жизни - всѣ эти стремленія, свойственныя безбожному человѣку, были имъ чужды. Духовная жизнь и стремленіе къ подражанію своимъ общепризнаннымъ духовнымъ вождямъ стояли на первомъ планѣ, а этими вождями были святые угодники Божіи.

Жить такъ, заботясь, прежде всего, о спасеніи своей души, означало жизнь праведную, жизнь святую, наконецъ. Это не подразумѣваетъ того, что Русскій народъ былъ святъ. Русская національная жизнь, кромѣ множества высокихъ примѣровъ личной святости, являла несравненно больше примѣровъ грѣха, нравственной распущенности и паденія.

Но святость была Русскимъ національнымъ идеаломъ. Всѣ прочія добродѣтели - просвѣщеніе, героизмъ, культурность - охватывались для Русскаго народа однимъ всѣобъемлющимъ идеаломъ святости, и имѣли цѣнность лишь при условіи, что онѣ освящались святостью.

Сознавая свою грѣховность, русскіе люди той эпохи каялись въ своихъ грѣхахъ, исповѣдуя свое единство со святыми, современными и прошлыми, признавая ихъ безграничное надъ собой превосходство и прося ихъ молитвъ и заступничества.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, что представляла собой нѣкогда дѣйствительная Святая Русь. И своимъ единствомъ, монолитностью, тѣмъ, что весь русскій народъ, отъ Государя до послѣдняго крестьянина и бѣдняка, жилъ одной жизнью, одними устремленіями, однимъ національнымъ идеаломъ святости - она была безмѣрно сильна.

Русская національная идея Святой Руси заключалась въ томъ, чтобы своимъ національнымъ примѣромъ истиннаго

христіанскаго благочестія привлечь къ истинной вѣрѣ и другіе народы міра.

Но если нація умираетъ – государство какой бы то ни было формы не спасетъ ея отъ смерти. Если въ націи изсякли духовныя силы, и она приходитъ въ состояніе дѣйствительнаго банкротства – ни монархія, ни какая иная государственная сила не сможетъ ея возродить. Русская нація погибла прежде русскаго государства, что и послужило причиной гибели послѣдняго.

Она погибла въ тотъ моментъ, когда **отреклась** отъ своей національной идеи Святой Руси, и какъ слѣдствіе – отъ своего національнаго политическаго идеала самодержавной монархической государственности.

Когда мы говоримъ объ опредѣленномъ критическомъ моментѣ національной исторіи, это не означаетъ, что конкретно-историческая, внѣшняя, причина національнаго паденія русскаго народа намъ абсолютно ясна. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что внутренней, духовной причиной гибели Русской націи было именно отреченіе Русскаго народа отъ своего религіозно-нравственнаго идеала Святой Руси.

Почему національная идея личной святости и національный политическій идеаль перестали удовлетворять запросамъ народнаго духа, почему народное сознаніе отвергло свои собственныя національныя основы, имѣвшія тысячелѣтнюю исторію?

Причиной паденія Люцифера была гордость. Главной причиной Русскаго національнаго паденія также была гордость. Национальная гордость. Иначе въ исторіи Русскаго народа-богоносца и въ исторіи Россіи - Дома Пресвятой Богородицы - быть и не могло.

Национальная гордость затмеваетъ **национальное сознаніе**, искажаетъ пониманіе подлиннаго національнаго идеала, приводитъ къ уродливымъ формамъ национальной жизни. Причинъ къ подобной гордости у Русскаго народа было, несомненно, больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ народовъ. Вѣдь

Русскій народъ всегда жилъ съ сознаниемъ того, что онъ исповѣдуетъ истинную вѣру Христову, а его національное государство является главнымъ защитникомъ православія въ окружающемъ мірѣ.

Прямымъ слѣдствиемъ и самымъ мрачнымъ проявленіемъ Русской національной гордости былъ церковный расколъ въ концѣ XVII вѣка. Причиной старообрядческаго раскола была чуждая истинному христіанству суевѣрная привязанность значительной части русскаго народа (преимущественно изъ среды малообразованныхъ мірянъ) къ русскимъ формамъ церковной обрядности.

Національная гордость, по своей сути, ничѣмъ не отличается отъ личной гордости отдѣльныхъ людей: и та, и другая въ своихъ крайнихъ формахъ могутъ приводить къ страшнымъ послѣдствіямъ, и прежде всего – къ духовной смерти.

Духовная смерть націи гораздо драматичнѣе физической смерти цѣлыхъ племенъ и народовъ. Народъ безъ національной идеи есть полное ничтожество, не стоящее независимаго существованія. Удѣлъ такого народа – рабство и неизбежное раствореніе среди сильныхъ націй.

Русскій народъ, переживъ, напимѣрь, крайне болѣзненную и разрушительную политическую смуту въ началѣ XVII вѣка, въ 1613 году вышелъ изъ нея, потерявъ ровно половину своей численности, но остался **націей** и сумѣлъ возродить свою національную монархическую государственность въ еще болѣе совершенной самодержавной формѣ.

Но послѣ церковнаго раскола Русская нація такъ и не смогла полностью возстановить свои силы и въ полной мѣрѣ реализовать весь свой созидательный потенциалъ. Расколъ не смирилъ націю. Національная гордость глубоко утвердилась въ душахъ русскихъ людей, позднѣе ставъ причиной появленія революціонной интеллигенціи.

Въ началѣ XVIII вѣка Русская нація, въ силу разныхъ обстоятельствъ, вошла въ тѣсное соприкосновеніе со всѣми

націями Европы. Очевидное превосходство европейцевъ надъ русскими въ научно-техническомъ развитіи стало ударомъ по русской національной гордости. Издавна презираемые иноземцы-еретики оказались гораздо успѣшнѣе русскихъ именно въ тѣхъ отрасляхъ культуры (прежде всего, въ военномъ дѣлѣ), въ которыхъ увѣренное лидерство Русскаго государства въ Европѣ было главнымъ условіемъ политической, и, слѣдовательно, религіозной самостоятельности русскаго народа.

Русскому народу пришлось многому учиться у своихъ потенциальныхъ, а иногда и у дѣйствительныхъ, враговъ. Эта единственно правильная мѣра, предпринятая національнымъ государствомъ, стала формальнымъ поводомъ къ постепенному разложенію Русской націи. Омертвѣлыми ея частями были, съ одной стороны, раскольники, провозгласившіе абсолютную цѣнность отдѣльныхъ формъ русской народной культуры, а съ другой – нарождающійся классъ революціонной интеллигенціи, проповѣдовавшей полное свое отчужденіе отъ «отсталой» русской національной культуры.

Въ первомъ случаѣ имѣло мѣсто быть искаженіе національной идеи и всѣхъ національныхъ идеаловъ. Во второмъ – совершенное ихъ забвеніе и поруганіе.

Національная гордость передъ лицомъ непріятной для русскаго глаза дѣйствительности превращала однихъ русскихъ людей, преимущественно простыхъ и незнатныхъ, въ фанатичныхъ раскольниковъ и сектантовъ, а другихъ, получившихъ европейское образованіе – въ теплохладныхъ, маловѣрныхъ, а порой и совсѣмъ невѣрующихъ индивидуалистовъ и космополитовъ.

Общимъ для нихъ было то, что причину съ виду недостойнаго положенія Россіи въ мірѣ эти активные участники умерщвленія Русской націи видѣли не въ самихъ себѣ, въ своихъ грѣхахъ и слабостяхъ, а въ Русской національной государственности. И раскольники-старообрядцы, и революціонная интеллигенція стали смертельными врагами Русскаго государства, порою не уступая по ожесточенности борьбы съ Царской властью иноземнымъ врагамъ Россіи.

Новоиспеченные индивидуалисты-космополиты мечтали о сверженіи Русской монархіи, въ то время какъ она родилась съ Русской націей, жила съ нею, росла совмѣстно съ ней, возвеличивалась и падала, находила пути общаго воскресенія, и во всѣхъ историческихъ задачахъ стояла во главѣ національной жизни.

Однако, если радикально настроенные раскольники стремились къ уничтоженію національной государственности вполнѣ сознательно, исходя изъ своего искаженнаго религіозно-сектантскаго міровоззрѣнія, то революціонная интеллигенція въ основной своей массѣ обманывалась или была сознательно обманута проповѣдниками нѣкой совершенной соціальной справедливости, возможной якобы только при условіи уничтоженія традиціонной христіанской государственности.

Среди революціонеровъ-утопистовъ были несомненно очень талантливые русскіе люди. Но таланты, данные имъ Богомъ на созиданіе, они обратили на разрушеніе. Въ короткій срокъ стихійное разрушительное движеніе внутри самой Россіи, возникшее благодаря девальвации или искаженію національныхъ идеаловъ въ народномъ сознаніи, стало инструментомъ въ рукахъ международныхъ преступниковъ.

Конечно, въ революціонномъ движеніи не было единства. Разномысліе революціонеровъ объяснялось разной степенью ихъ человѣческой подлости и безнравственности, различной степенью привязанности къ народному быту, и вообще – къ русской народной культурѣ. Но, такъ или иначе, они добились (какъ имъ казалось) своего.

Русская нація пала, судьба русской національной государственности должна была рѣшиться въ ближайшемъ будущемъ. Въ это тяжелое время всѣ національно мыслящіе люди Россіи, патріоты и націоналисты выступили на защиту русской государственности, на защиту Царя.

Но паденіе русскаго государства было уже неизбѣжно – русскій народъ отрекся отъ своей національной идеи и, слѣдовательно, отъ своего національнаго политическаго идеала.

Всѣ сословія русскаго народа, въ томъ числѣ и духовенство, въ цѣломъ, отреклись отъ Помазанника Божія - Русскаго Царя еще до того, какъ Онъ былъ свергнутъ съ Престола.

Русскій народъ совершилъ тягчайшій грѣхъ. Была поправа Клятвы 1613 года на вѣрность Дому Романовыхъ. Царь былъ преданъ въ руки революціонеровъ, совершившихъ въ іюлѣ 1918 года убійство Удерживающаго распространіе мірового зла.

Однако, даже въ такой, казалось бы, совершенно безысходной ситуациі, Россія могла бы устоять. Для этого необходима была воля народа къ національной жизни, требовалось народное покаяніе въ своемъ отступленіи отъ православной вѣры, покаяніе въ грѣхѣ клятвопреступленія, которое смогло бы реабилитировать русскую національную идею Святой Руси.

Но ничего этого не было. Русская нація скончалась въ тяжелыхъ мукахъ. Въ Россіи произошла революція.

Почти сразу послѣ произошедшей въ Россіи революціи къ власти пришли утописты-большевики. Они поддерживали всяческое безправіе въ захваченной странѣ, используя многочисленныхъ русскихъ разбойниковъ и столь же многочисленныхъ инородныхъ бандитовъ-наемниковъ.

Россія дѣйствительно стала плацдармомъ міровой революціи: страной, гдѣ политическій терроръ противъ русскаго народа сталъ нормальнымъ явленіемъ, гдѣ всяческое беззаконіе являлось принципомъ большевицкой политики, гдѣ зарождалась и находила первыхъ своихъ жертвъ смертоносная красная чума, поразившая, такъ или иначе, впослѣдствіи всѣ народы міра.

Большевики сформировали свою правительственную бюрократію, образовали изъ уголовниковъ и маньяковъ карательную организацію, и всё это назвали новымъ совѣтскимъ государствомъ. Однако, ни «Россійская Федерациія», ни «Союзъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ», какъ мы уже говорили, не являлись **національными государствами**.

Національное государство всегда образуетъ нація, которая вырабатываетъ въ себѣ сознание верховной власти и находитъ конкретныхъ ея выразителей. Лишь тогда, когда выработано то и другое, можетъ явиться національное государство, какъ созданіе уже верховной власти.

Верховная власть сплачиваетъ вокругъ себя націю на основаніи своего собственнаго принципа. Дѣлается это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ столѣтій, но, во всякомъ случаѣ, получается **государство**, то есть нація, добровольно соединенная подъ одну верховной властью во всёмъ, что, по сознанию націи, которое выражается въ данномъ принципѣ верховной власти, требуетъ общаго, обязательнаго единства.

При этомъ нельзя смѣшивать **государство** съ правительственнымъ механизмомъ, задача котораго – быть орудіемъ верховной власти для осуществленія цѣлей государства. Очевидно, что управительная власть (правительственный механизмъ) сама по себѣ не составляетъ государства. Она можетъ быть только инструментомъ оккупации страны другимъ государствомъ, либо орудіемъ порабощенія народа организованной группой политическихъ воровъ, коими и являлись большевики.

Также очевидно, что къ моменту большевицкаго переворота Русской націи, какъ и вообще какой-либо націи, на территории Россіи не существовало, поэтому никакое національное государство не было возможно. Верховной властью въ странѣ стало беззаконіе.

Послѣ національнаго паденія остался расчленяемый и обезсилѣнный, нравственно падшій русскій народъ. А національное государство смѣнила банда политическихъ воровъ. Большевики навязали русскому народу, его наиболѣе трезвой и благородной части, гражданскую войну.

Противъ **красныхъ**, утопистовъ-революціонеровъ, сознательно шедшихъ на разрушеніе стараго государственнаго зданія Русской націи, выступили **Бѣлые** – всѣ тѣ, кто оказался

готовъ съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться коммунистамъ во имя по-разному понимаемой ими Россіи.

Это были и космополиты (преимущественно, менѣе послѣдовательные въ разрушеніи конкуренты большевиковъ въ революціонномъ движеніи), и націоналисты (то есть тѣ, кто остался вѣрнѣ національной монархической государственности).

Въ силу специфическихъ особенностей этихъ противоположныхъ относительныхъ формъ мышленія, доминировавшихъ въ Бѣломъ движеніи – космополитизма и націонализма – кромѣ самыхъ общихъ лозунговъ объ «Единой, недѣлимой Россіи» большинство высшихъ бѣлыхъ полководцевъ никакой объединительной національной идеи не имѣло.

Въ то время какъ унылые патріоты и настороженные индивидуалисты, которыхъ въ каждомъ обществѣ большинство, ждало развязки событій, болѣе активные и сознательные, по сравненію съ ними, націоналисты и космополиты, безуспѣшно пытались противопоставить коммунистамъ прежнія средства, эффективныя и востребованныя въ прежнихъ условіяхъ, но совершенно бесполезныя ввиду національной катастрофы.

Дѣло въ томъ, что органически консервативный націонализмъ и органически оппозиціонный космополитизмъ могутъ достигать значительнаго успѣха только при наличіи **націи**, относительно которой они являются націоналистами и космополитами, или, соотвѣтственно, консерваторами и оппозиціонерами. Но послѣ паденія Русской націи ни у націоналистовъ, ни у космополитовъ не хватило политической сознательности для того, чтобы ясно опредѣлить конечныя цѣли борьбы, и какъ слѣдствіе – выбрать наиболѣе подходящія средства.

Русскіе націоналисты не были способны указать на причину національной катастрофы и сформулировать русскую національную идею, а крайне немногочисленные русскіе **сверхнаціоналисты** не могли существенно повліять на исходъ гражданской войны.

Кромѣ того, послѣдніе, въ силу характера основныхъ началъ Русской націи, въ своей созидательной дѣятельности напрямую зависѣли отъ позиціи архіереевъ Россійской Православной Помѣстной Церкви.

Именно принципиальная «аполитичность» большинства архіереевъ Русской Церкви, призванныхъ по существу своего положенія быть духовными вождями русскихъ сверхнаціоналистовъ, стала главной причиной неудачи національно-созидательной борьбы.

Уже послѣ пораженія Бѣлыхъ армій, въ эмиграціи, на фонѣ церковной реабилитации русскихъ національных идеаловъ, сверхнаціоналисты впервые осознали себя таковыми, будучи вдохновлены успѣхомъ европейскаго фашистскаго движенія, сумѣвшаго дать отпоръ краснымъ.

Успѣхъ европейскаго сверхнаціонализма во многомъ объясняется особой спецификой краснаго движенія въ Европѣ, которое составляли преимущественно космополиты, то есть тѣ элементы націи, въ которыхъ еще довольно глубоко сидѣла привязанность къ традиціоннымъ формамъ народной жизни.

Анархизмъ и сатанинская озвѣрѣлость совѣтскаго утопизма, которыя однѣ только и были способны уничтожить цѣлыя націи, даже имъ казались нѣкимъ варварствомъ.

Въ результатѣ первой и второй активныхъ фазъ перманентной гражданской войны въ Россіи, то есть до 1945 года, большевицкая власть надъ русскимъ народомъ не только не была свергнута, но еще въ большей степени укрѣпилась, поработивъ окончательно населеніе страны, которое перестало быть въ полномъ смыслѣ слова **народомъ**, поскольку люди уже не были объединены общимъ представленіемъ о цѣнности собственно русской народности - русское народное самосознаніе было полностью подавлено, а русскій народный традиціонный укладъ жизни былъ повсемѣстно разрушенъ.

Подобно тѣлу, въ которомъ еще теплится жизнь, и совокупность членовъ котораго остается органически единымъ цѣломъ, но въ которомъ уже отсутствуетъ сознаніе, то есть

способность къ критическому осмысленію дѣйствительности, русскій народъ не могъ болѣе противиться насилію лживой пропаганды.

Новая общность людей, возникшая въ результатѣ титаническихъ усилій совѣтскихъ утопистовъ на бывшей территоріи Россіи, теперь называлась **совѣтскимъ народомъ**. Но это была скорѣе насмѣшка большевиковъ надъ безформенной біомассой, не имѣвшей никакой народной воли.

Народъ составляетъ общность людей, то есть такихъ существъ, которыя живутъ, кромѣ плотской, еще и духовной жизнью. Духовную жизнь дѣлаютъ возможной религіозныя представленія человѣка.

То есть, индивидъ настолько является **человѣкомъ**, насколько напряженно его религіозное чувство, насколько развито его религіозное сознание.

Излишне и говорить, сколь ничтожной была доля подлинно человѣческаго въ «совѣтскихъ людяхъ». Именно поэтому политическій режимъ большевиковъ всегда и во всѣмъ прибѣгалъ къ насилію, даже тамъ, гдѣ насиліе не было, съ точки зрѣнія ихъ цѣлей, необходимой мѣрой.

Населеніе, въ общей массѣ, было инертно. Его безынициативность, съ одной стороны, была гарантіей безопасности режима большевиковъ, а съ другой – обеспечивала отсталость всѣхъ сторонъ общественной жизни и вела къ неизбежному въ такихъ случаяхъ кризису политическаго режима.

Здѣсь уместно дать оцѣнку такому явленію какъ «соціализмъ» совѣтской дѣйствительности. «Соціализмъ» большевиковъ не имѣлъ никакого отношенія къ дѣйствительному соціализму, возможному только при условіи существованія національнаго государства, а былъ лишь пропагандистскимъ прикрытіемъ преступныхъ цѣлей большевиковъ и настоящаго положенія дѣлъ въ странѣ.

Однако, большевикамъ удалось присвоить себѣ это понятіе съ помощью пропагандистской лжи, на которой, вообще

говоря, держался и до сихъ поръ держится ихъ преступный режимъ.

Итакъ, если сверхнаціонализмъ не мыслить общественнаго блага внѣ національнаго государства, то для утопизма національное государство становится главнымъ препятствіемъ на пути къ достиженію утопическаго идеала.

Утопизмъ принимаетъ во вниманіе исключительно матеріальное благосостояніе народа, не учитываяъ актуальную національную идею, тотъ народъ объединяющую. Это объясняется фундаментальной атеистической міровоззрѣнческой установкой утопистовъ.

Утописты, въ отличіе отъ сверхнаціоналистовъ, не только не способны серьезнымъ образомъ повліять на созиданіе національнаго государства, но и вообще никакой созидательной дѣятельности вести не въ состояніи.

Русская національная катастрофа мало кого изъ русскихъ людей вразумила. Большинство продолжало оставаться въ пагубномъ заблужденіи относительно причинъ гибели Россіи и, вообще, относительно того, **что такое есть Россія.**

Задолго до революціи въ русскомъ обществѣ сложилось такое пониманіе Россіи, которое низводило ея до понятія **страны** или **Родины.** Это было связано съ упадкомъ традиціоннаго правосознанія въ русскихъ людяхъ, и съ поправіемъ ими русскихъ національныхъ идеаловъ.

Россія есть понятіе, прежде всего, духовное. **Россія** – это земное Отечество народностей, составляющихъ Русскую націю, признаніе которой надъ собой верховной власти религіозно-нравственнаго идеала сдѣлало возможнымъ существованіе одноименнаго національнаго государства.

Въ свою очередь, **Отечество** – это источникъ происхожденія человѣка. Земное Отечество есть такая соціальная среда, въ основѣ которой лежитъ преемственность поколѣній, и которая обуславливаетъ отчасти цѣленаправленный, отчасти стихійный процессъ трансформациі

индивидуального сознания человека, определяющего его принадлежность к конкретной нации.

В то же время, **страна** – это всего лишь территория, имѣющая опредѣленные границы, совпадающія съ границами государства, подъ властью котораго эта территория находится. **А родина** – это мѣсто рожденія. Въ широкомъ смыслѣ **Родина** – это страна какъ мѣсто рожденія.

Различное пониманіе того, что такое Россія, во многомъ предопредѣлило хаотическій характеръ русскихъ національных движеній въ эмиграціи. По этой же причинѣ русская эмиграція незадолго до начала Совѣтско-германской войны раскололась на два лагеря.

Одни изъ русскихъ эмигрантовъ («оборонцы») полагали, что предстоящая война между Германіей и Совѣтскимъ Союзомъ будетъ оборонительной войной Россіи противъ иноземнаго захватчика – Германіи. Другіе («пораженцы») были убѣждены, что Германія въ этой войнѣ возглавитъ Крестовый походъ противъ богоборческаго ига коммунистовъ, поработившихъ русскій народъ.

Соотвѣтственно съ этимъ представленіями, русскіе патриоты и націоналисты видѣли свое участіе въ этой войнѣ на той или иной сторонѣ. Такимъ образомъ, періодъ съ 1920 года по 1945 годъ былъ временемъ русскаго народнаго самоопредѣленія. Во многомъ отъ того, насколько трезво русскіе эмигранты оцѣнивали обстановку и насколько правильные выводы изъ опыта пережитаго національнаго паденія они дѣлали, зависѣлъ исходъ этой войны.

Формированіе правильнаго отношенія къ большевизму и къ нацистской Германіи въ средѣ русской эмиграціи зависѣло отъ численности русскихъ сверхнационалистовъ. То есть тѣхъ русскихъ людей, которые прекрасно сознавали, что Совдепія не является и не можетъ являться **Россіей**, что своимъ Отечествомъ эту страну могутъ считать бандиты и подлецы всего міра, но никакъ не русскіе патриоты, что борются съ большевицкимъ

игомъ необходимо всѣми средствами до побѣднаго конца, не считаясь съ жертвами.

Въ эмиграціи часть русскихъ людей, преимущественно изъ числа молодежи, воспитанной въ духѣ ненависти къ большевицкому режиму и уже не имѣвшей революціонныхъ иллюзіи старшаго поколѣнія, съ горячей готовностью приняла **сверхнаціоналистическій**, или выражаясь языкомъ того времени — **фашистскій** образъ мыслей, навѣянный примѣромъ грандіознаго успѣха европейскаго фашистскаго движенія.

Но, къ сожалѣнію, большинство русскихъ людей, именовавшихъ себя русскими фашистами, таковыми, по сути, не являлись, и европейскимъ образцамъ не соответствовали. «Фашистское» движеніе русской эмиграціи представляло собой подчасъ лишь копію нѣкоторыхъ наиболѣе яркихъ (часто малоцѣнныхъ въ созидательномъ отношеніи) формъ итальянскаго и немецкаго сверхнаціонализма.

То есть, сами того не понимая, русскіе націоналисты пытались перенести на русскую почву тѣ идеи, которыя составляли идеологическое содержаніе не русскаго, но итальянскаго или немецкаго націонализма. Если бы такой опытъ и былъ возможенъ, то нація, возникшая въ результатѣ перенесенія на русскую почву чужихъ національныхъ идеаловъ, не была бы Русской націей.

Формально существовавшее въ эмиграціи русское фашистское движеніе было настолько фашистскимъ, насколько отчетливо и единодушно его участникамъ представлялся **національно-государственный идеаль**, и настолько Русскимъ, насколько этотъ политическій идеаль соответствовалъ **основнымъ историческимъ началамъ Русской націи**.

Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности, русскихъ фашистскихъ, или сверхнаціоналистическихъ, организацій было совсѣмъ немного и онѣ, какъ правило, были немногочисленны. Русскіе сверхнаціоналисты, сплоченные въ организаціи, первымъ своимъ дѣломъ полагали точное опредѣленіе должнаго государственнаго устройства будущей Россіи, въ то время какъ

просто націоналістическіе объединенія русской эмиграціи видѣли задачу первостепенной важности не въ достиженіи полного идеологическаго единства, а только въ борьбѣ съ большевиками за освобожденіе русскаго народа.

Для русскихъ сверхнаціоналистовъ, еще по опыту гражданской войны, было совершенно очевидно, что непредрешенчество губительно, что противъ идеи, чтобы ея сокрушить, надо противопоставить другую идею. Противъ пропаганды, чтобы ея нейтрализовать, другую, болѣе сильную и жизненную пропаганду.

Однако, такъ считали и многіе русскіе націоналисты. Но, въ отличіе отъ нихъ, русскіе сверхнаціоналисты не желали идти въ Крестовый Походъ противъ большевиковъ подъ знаменемъ неправыхъ, ложныхъ національныхъ идеаловъ. Для сверхнаціоналистовъ былъ приемлемъ лишь традиціонный русскій національный политическій идеалъ – **православная самодержавная монархія**.

Русскіе сверхнаціоналисты чувствовали, что между всѣми конкретно-національными сверхнаціоналистическими движеніями существовала чисто формальная общность, что фашисты всѣхъ странъ, такъ или иначе, стремятся къ созданію своей собственной идеальной національной государственности. Рѣшая вопросъ о томъ, въ чѣмъ состоитъ Русскій національный политическій идеалъ, они находили въ русской національной исторіи примѣры государственныхъ дѣятелей, которыхъ можно было съ полной увѣренностью назвать фашистами.

Напримѣръ, Первоіерархъ Русской Православной Церкви Заграницей, Митрополитъ Антоній (Храповицкій) писалъ въ особой грамотѣ отъ 5 іюня 1934 года: «...Великіе имена Московскаго Митрополита Макарія и его славныхъ сотрудниковъ Протоіерея Сильвестра и боярина Адашева должны быть почитаемы какъ основатели Русскаго Народнаго Фашизма».

Итакъ, дѣйствительное русское сверхнаціоналистическое движеніе русской эмиграціи существовало въ видѣ отдѣльныхъ,

часто немногочисленныхъ, организацій. Среди нихъ въ идеологическомъ отношеніи одной изъ самыхъ глубокихъ и заслуживающихъ особаго вниманія была, на примѣръ, организація генерала А. Туркула – Русскій Національный Союзъ Участниковъ Войны (РНСУВ).

Что же касается формально «фашистскихъ» организацій русской эмиграціи, то зачастую идеологическое содержаніе ихъ программъ не соответствовало названіямъ организацій.

На фонѣ грандіознаго успѣха европейскихъ фашистскихъ организацій, русская эмиграція, испытывая къ нимъ искреннюю симпатію, всё же не смогла выработать въ самой себѣ достаточно яснаго представленія о должныхъ формахъ русскаго національно-созидательнаго движенія. Изъ сотенъ политическихъ организацій русской эмиграціи дѣйствительно сверхнаціоналистическими оставались единицы.

Къ началу Совѣтско-германской войны русская эмиграція не только не пришла къ политическому единству, къ достиженію котораго такъ стремились дѣйствительные русскіе фашисты, но ея политическій расколъ достигъ своего апогея.

Многіе русскіе патріоты и націоналисты отвергали саму возможность борьбы съ большевиками въ союзѣ и подъ покровительствомъ Германіи. Они были насторожены ходячимъ мнѣніемъ о томъ, что Германія смотритъ на предстоящую войну какъ на завоевательную.

Такія опасенія для русскихъ сверхнаціоналистовъ были смѣхотворны, кромѣ всего прочаго, потому, что на такомъ огромномъ пространствѣ, какъ Россія, была бы практически невозможной продолжительная оккупація другимъ государствомъ, даже если бы послѣднее того очень желало. Для этого потребовались бы неимоверныя усилія немецкой націи, и огромныя, не оправданныя съ ея стороны жертвы. Германіи гораздо выгоднѣе было бы долгосрочное сотрудничество и товарообмѣнъ съ русскимъ національнымъ государствомъ, политическій союзъ съ нимъ. Объ этомъ, между прочимъ, заявляли и многіе нацистскіе руководители.

Русскіе сверхнаціоналисты, кромѣ этихъ разсужденій, руководствовались, въ большей мѣрѣ, особымъ отношеніемъ къ **оккупаци** какъ таковой. Примѣръ того, какъ должно относиться къ той или иной оккупаци, даютъ намъ русскіе святыя и русская національная исторія.

Очевидно, что отношеніе это было различнымъ въ случаѣ, напримѣръ, татаро-монгольскаго ига, и въ случаѣ польской интервенціи. Въ чѣмъ же разница этихъ двухъ оккупаций?

Въ эпоху татаро-монгольскаго нашествія русскій народъ не былъ націей, онъ не былъ способенъ воздвигнуть свою національную государственность, а потому не сумѣлъ дать достойный отпоръ завоевателямъ. Однако, и отношеніе завоевателей къ самому дорогому для русскаго народа — православному святынямъ и самой христіанской вѣрѣ — было терпимымъ.

Монголы не имѣли прочно установленныхъ религіозныхъ представленій, поэтому зачастую монгольскіе предводители принимали религію, исповѣдуемую подвластнымъ народомъ. Съ первыхъ дней образованія Золотой Орды въ ставкѣ хана былъ построенъ православный храмъ. Съ образованіемъ состоящихъ изъ плѣнныхъ русскихъ людей военныхъ поселеній, созданныхъ для дополненія войсковыхъ частей монголь, въ предѣлахъ Орды начали строиться повсюду храмы, стало призываться духовенство.

Церковное имущество было освобождено отъ дани. Если авторитетъ русскихъ князей въ ставкѣ никакого значенія не имѣлъ, то русское православное духовенство, наоборотъ, пользовалось среди монголовъ извѣстнымъ уваженіемъ.

Послѣ неудачныхъ выступленій противъ завоевателей русскій народъ долженъ былъ покориться власти побѣдителей и нести тягость иноземнаго ига. Святой благовѣрный князь Александръ Невскій, занявъ великокняжескій столъ, держался политики исключительной покорности и строго наблюдалъ за подвластными князьями, чтобы и они держались той же политики. Онъ не только выражалъ монголамъ всяческую

покорность, но и, по своей инициативѣ, даже предпринималъ съ монголами совмѣстные походы на Литву.

Одновременно съ этимъ, такое смиренное признание благовѣрнымъ княземъ надъ собой монгольской власти не мѣшало ему отбивать попытки **инославныхъ** шведовъ и немецкихъ крестоносцевъ оккупировать западныя территоріи Руси.

Одинъ изъ монгольскихъ хановъ, жена котораго была православной христіанкой, предпринималъ походы въ Малой Азіи, гдѣ мѣстное христіанское населеніе видѣло въ монголахъ «желтыхъ крестоносцевъ», ведшихъ войну противъ невѣрныхъ мусульманъ. Причемъ монголы даже обѣщали, по занятіи Святой Земли, отдать её во владѣніе христіанъ.

Православная Церковь молилась о монгольскихъ ханахъ – власть монгольскихъ оккупантовъ была, въ представленіи русскаго народа, законной властью. Царь-ханъ, какъ его называли въ народѣ, былъ главой государства, имя его произносилось на всѣхъ ектеняхъ церковнаго богослуженія.

Это объясняетъ причину того, почему русскіе князья продолжали платить дань уже совершенно ослабѣвшей отъ междоусобной брани Ордѣ, и выступили противъ монголовъ по благословенію Церкви только въ рѣшительный моментъ становленія Русской націи.

Такимъ образомъ, цѣнность политической независимости въ русскомъ національномъ сознаніи была неразрывно связана со **свободой православнаго вѣроисповѣданія**. Всѣ поползновенія немецкихъ или польскихъ еретиковъ по окатоличиванію русскаго народа, слѣдовательно, встрѣчали въ немъ ярое сопротивленіе.

Что же касается возможной оккупации Россіи нацистской Германіей, то послѣдующія событія доказали безосновательность опасеній русскихъ эмигрантовъ. Нацисты еще задолго до начала Совѣтско-Германской войны создали хорошія условія для жизни Православной Церкви въ самой Германіи.

Всѣ раскольническіе структуры были нацистами запрещены, въ Берлинѣ по указанію Гитлера былъ построенъ кафедральный соборъ германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей.

Немецкіе власти не только позволяли русскому народу жить самостоятельной духовной жизнью, но и всемѣрно способствовали церковному устроению на освобожденной территоріи, допуская въ политическомъ смыслѣ даже нѣкоторую самостоятельность мѣстныхъ органовъ управленія, состоявшихъ изъ русскихъ.

Кромѣ того, опытъ образованія русскими людьми самостоятельной Локотской республики говорилъ о томъ, что Германія готова въ перспективѣ поддержать идею созданія русскаго національнаго государства. Однако, для этого требовалось политическое единство русскаго народа, котораго не было.

Германія неоднократно заявляла о томъ, что ожидаетъ отъ русскихъ эмигрантовъ не распрей и жалобъ другъ на друга (а такіе жалобы немецкому правительству отъ русскихъ «политиковъ») были дѣломъ обычнымъ), а созданія единой политической организаціи, съ которой можно было бы сотрудничать, надѣясь въ этомъ сотрудничествѣ имѣть дѣло съ дѣйствительными русскими національными интересами.

Выступая 7 марта 1936 года въ Рейхстагѣ, Гитлеръ сдѣлалъ соотвѣтствующее заявленіе: «Если сейчасъ, - сказалъ онъ, - мои международные противники обвиняютъ меня въ томъ, что я отклоняю сотрудничество съ Россіей, то я въ отвѣтъ на это долженъ заявить слѣдующее: я отклонялъ и отклоняю сотрудничество не съ Россіей, но со стремящимся къ міровому господству большевизмомъ...»

Почему русскимъ сверхнационалистамъ не удалось объединить русскую эмиграцію единой національной идеей? Дѣло не только въ ихъ немногочисленности, или въ нежеланіи русскихъ эмигрантовъ эту національную идею принять.

Русскій народъ одной стороной своего бытія составляетъ Помѣстную Церковь, которая направляетъ его къ опредѣленной цѣли земной жизни, указывая на средства, наилучшимъ образомъ способствующія достиженію этой цѣли. Среди этихъ средствъ огромное значеніе имѣетъ національное государство, оберегающее святыни націи, и стремящееся воплотить національную идею, находящую свой источникъ въ религіи народа.

Не имѣя опредѣленнаго отношенія къ политическимъ образованіямъ своего времени, и не обладая собственнымъ политическимъ идеаломъ, Помѣстная Церковь не можетъ дать полноцѣнное руководство въ жизни каждому своему члену. Такой политической идеаль, освященный вѣками церковнаго благополучія и признаніемъ святыхъ отцовъ, Православная Церковь имѣетъ. Это – православная самодержавная монархія.

Однако, Россійская Помѣстная Церковь еще до революціи, будучи плоть отъ плоти частью русскаго народа, въ лицѣ своей іерархіи попрала этотъ идеаль, обрекая Церковь и русскій народъ въ цѣломъ на неизбежныя гоненія со стороны богоборцевъ.

Хотя позже, въ эмиграціи, Русская Зарубежная Церковь и обратилась снова къ этому политическому идеалу, но она не имѣла уже такого безоговорочнаго авторитета для русскихъ людей, какъ раньше, что и стало главной причиной отсутствія политическаго единства въ эмиграціи.

Но Русская Православная Церковь Заграницей была, тѣмъ не менѣе, частью истинной Россійской Помѣстной Церкви (второй ея частью была Катакомбная Церковь въ поработенной Россіи), а потому благословила всѣхъ русскихъ православныхъ добровольцевъ на освободительную войну въ союзѣ съ христіанской Германіей противъ богоборческаго ига большевиковъ.

Однако, вторая гражданская война для русскаго народа была еще менѣе удачной, чѣмъ первая. Русскіе добровольцы несли ту же непредрешенческую Бѣлую идею, что и двадцать

лѣтъ назадъ, въ то время какъ большевики успѣли заручиться признаніемъ и поддержкой вліятельнѣйшихъ государствъ, уничтожить контрреволюціонныя силы подвластныхъ народовъ и воспитать въ богоборческомъ духѣ цѣлое поколѣніе новыхъ **совѣтскихъ людей**.

Итакъ, теперь перейдемъ къ раскрытію идеологическихъ положеній **русскаго сверхнаціонализма** – единственной формы политическаго мышленія, способнаго, въ лицѣ своихъ конкретныхъ выразителей, создать всѣ необходимыя условія для возрожденія Русской націи, и, какъ слѣдствие, русскаго національнаго государства.

Обозначимъ позицію русскаго сверхнаціонализма по важнѣйшимъ вопросамъ.

Русскій сверхнаціонализмъ признаетъ, что русская національная трагедія произошла по причинѣ удаленія русскаго народа отъ Церкви. Задолго до гибели Россіи русскіе люди, въ своей частной и общественной жизни перестали руководствоваться ученіемъ Церкви и Ея уставомъ, положивъ въ основу своей жизнедѣятельности всевозможныя еретическія и богоборческія ученія, то есть, свою грѣховную страстную волю.

Это со всей очевидностью проявилось сразу послѣ сверженія съ Престола помазанника Божія – Государя Императора Николая II Александровича, и уничтоженія русской національной государственности. Напримѣръ, въ Русской Арміи, въ такъ называемомъ «христіолюбивомъ воинствѣ», на порядокъ сократилось число православныхъ воиновъ. Девять изъ десяти русскихъ солдатъ не желали исповѣдываться и причащаться Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Послѣ отмѣны революціоннымъ Временнымъ правительствомъ значительнаго числа формальныхъ положеній устава арміи, никакого почтенія къ священству большинство русскихъ воиновъ уже не оказывало.

Для русскихъ сверхнаціоналистовъ совершенно очевидно, что прекращеніе настоящей Смуты, и возрожденіе Русской націи

и ея національной государственности возможно только послѣ примиренія русскихъ людей съ Богомъ.

Первымъ шагомъ къ этому примиренію должно стать ихъ не формальное только, но дѣйствительное присоединеніе къ Церкви, принятіе Ея ученія какъ спасительнаго руководства въ жизни. Съ этого момента основной задачей всѣхъ безъ исключенія русскихъ людей станетъ подражаніе жизни нашихъ благочестивыхъ предковъ, жившихъ во времена торжества русской національной идеи Святой Руси и отличавшихся величайшими христіанскими добродѣтелями.

За эту былую чистоту вѣры русскихъ людей Господь пребывалъ со всѣмъ русскимъ народомъ, какъ источникъ перерождающей человѣка внутренней благодати Святаго Духа, которая снизошла на Русскую землю, какъ Царство Божіе, вмѣстѣ съ Крещеніемъ Руси.

Новое, второе Крещеніе уже не языческихъ славянскихъ племень, но безбожнаго русскоязычнаго населенія, должно стать явленіемъ, навѣки утверждающимъ въ душахъ русскихъ людей представленіе о томъ, что эта перерождающая благодать Святаго Духа, это Царствіе есть самое драгоцѣнное и высшее благо русскаго народа, какъ и всякаго народа вообще, исповѣдующаго истинную религію.

Но также русскій народъ долженъ будетъ осознавать со всей ясностью, что перерождающую благодать Святаго Духа Господь посылаетъ всѣмъ истинно вѣрующимъ людямъ **только чрезъ свою Церковь** въ таинствахъ крещенія и муропомазанія.

Благодать этихъ таинствъ даетъ доступъ къ другимъ спасительнымъ таинствамъ и величайшему изъ нихъ — Божественному таинству Евхаристіи, въ которомъ человѣкъ не только перерождается, но обожается и дѣлается благодатно единымъ со Христомъ.

Каждый русскій человѣкъ обязанъ будетъ помнить, что, будучи только въ оградѣ истинной Церкви, онъ пребудетъ съ благодатію Святаго Духа, какъ источникомъ временнаго и

вѣчнаго спасенія, и что внѣ этой ограды онъ лишится сѣй благодати и погибнетъ навѣки.

Только достаточно напряженная религіозная вѣра русскихъ людей, охватывающая всѣ стороны ихъ жизни въ подчиненіи христіанскому идеалу, способна возродить русскій народъ къ національной жизни.

Русскій сверхнаціонализмъ стремится къ образованію подлинно Русскаго народа изъ духовнаго союза, пусть и совѣмъ небольшого количества, но всё же - Русскихъ людей, и преображенію его въ **Русскую націю**.

Для русскихъ сверхнаціоналистовъ численность будущей Русской націи имѣетъ второстепенное значеніе, равно какъ и площадь территоріи, которую онъ будетъ занимать.

Задача русскихъ сверхнаціоналистовъ заключается въ томъ, чтобы создать всѣ условія для принятія какъ можно большимъ числомъ «совѣтскихъ людей» истиннаго Православія. При этомъ, всякое принужденіе въ отношеніи «совѣтскихъ людей» къ принятію Православія должно быть исключено какъ ничѣмъ не оправданная мѣра.

Итакъ, дѣятельность русскихъ сверхнаціоналистовъ по привлеченію русскоязычнаго населенія къ Церкви должна заключаться, главнымъ образомъ, въ повсемѣстной проповѣди истиннаго Православія и пропагандѣ русской національной идеи вкупѣ съ историческими свѣдѣніями о подлинной Россіи. Другимъ направлениемъ дѣятельности русскихъ сверхнаціоналистовъ должно стать привлеченіе вниманія русскоязычнаго населенія къ дѣйствительнымъ причинамъ современной критической ситуаціи въ странѣ.

Въ этомъ отношеніи, главной задачей русскихъ сверхнаціоналистовъ становится борьба съ правящимъ режимомъ, и всемѣрная популяризація этой борьбы. Русскіе сверхнаціоналисты должны стать воодушевляющимъ къ активнымъ дѣйствіямъ примѣромъ для лучшихъ представителей русскоязычнаго населенія страны.

Что касается національно-созидательной работы, то русский сверхнационализм стремится не реставрировать исторический русский народ со всеми его пороками, неправдами и слабостями, а способствовать возрождению русского народа на исторических его началахъ, но съ преобразованнымъ, новымъ національнымъ характеромъ.

Измѣненіе національнаго характера русского народа неизбежно, но оно должно быть направлено въ созидательное русло. Русский національный характеръ долженъ отличаться напряженной религіозностью, постоянствомъ, трезвостью, разсудительностью, незабываемой преданностью историческимъ національнымъ идеаламъ.

Русский народъ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей долженъ являть образцы высокой духовности и культуры. Для русскихъ людей должна стать принципіальнымъ руководствомъ въ жизни старая русская поговорка: «Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ!»

Только въ такомъ случаѣ существованіе Русской націи, ея выстраданное возрожденіе, будутъ имѣть смыслъ и оправданіе передъ Богомъ. Это будетъ Русский народъ, осознавшій историческую національную идею и реабилитировавшій историческіе національные идеалы.

Итакъ, образованіе Русской націи предполагаетъ воцерковленіе русскоязычнаго населенія страны, которое неразрывно связано съ формированіемъ особаго уклада народной жизни и становленіемъ Россійской Помѣстной Церкви, которая обусловитъ принятіе русскимъ народомъ его историческихъ національныхъ идеаловъ.

Политическимъ идеаломъ русскихъ сверхнационалистовъ является православная самодержавная монархія. Русский сверхнационализмъ утверждаетъ единственно возможный путь возрожденія русской національной государственности – путь реабилитации въ душахъ представителей русскоязычнаго населенія идеи верховной власти религіозно-нравственнаго идеала.

Верховная власть религиозно-нравственного идеала, внушеннаго нѣсколько столѣтій назадъ русскому народу Святой Церковью, есть власть богоугодная, и свое наилучшее выраженіе она находитъ въ лицѣ конкретнаго представителя Русской націи – Русскаго Царя, надѣленнаго Богомъ всѣми правами для управленія своимъ народомъ.

Однако, русскій народъ однажды уже отрекся отъ своего національнаго политическаго идеала, и русская государственность пала въ наказаніе возгордившемуся народу. Но русскіе сверхнаціоналисты вѣрятъ, что Господь помилуетъ русскій народъ за его великіе страданія, за его вѣру и принесенное покаяніе въ отреченіи отъ Помазанника Божія, и даруетъ ему избавленіе отъ богоборческаго ига.

Если Господь, изъ Своего безграничнаго милосердія, видя искреннее усердіе русскихъ людей въ вѣрѣ, видя общенародное покаяніе въ проклятомъ отступленіи, возстановитъ русскую національную государственность, то русскій народъ долженъ будетъ добровольно возложить на себя такіе обязательства передъ Богомъ, какихъ ни одинъ народъ никогда не бралъ.

Для исполненія этихъ обѣтовъ православная вѣра въ Россіи не только должна будетъ тщательно хранима русскими людьми, но она неизбежно станетъ основою, проникающею всё существо русскаго народа въ движеніяхъ его ума, воли и сердца. Иначе сказать, православная вѣра должна будетъ стать для каждаго русскаго человѣка критеріемъ истины при оцѣнкѣ всякаго человѣческаго ученія или дѣянія.

Ибо крѣпость православной вѣры въ душахъ русскихъ людей есть залогъ политической самостоятельности русскаго народа.

Политическая самостоятельность народа проявляется въ созданіи имъ національнаго государства, крѣпость и сила котораго, въ свою очередь, зависитъ отъ устойчивости и неподвижности соціальной организаціи націи.

Русскій сверхнаціонализмъ признаетъ **сословность** единственнымъ приемлемымъ типомъ соціальной

самоорганізації русскаго народа. Всякая политическая и соціальная революція есть стремленіе къ всеобщему смѣшенію и къ всеобщей ассимиляціи общества, результатомъ которой становится появленіе такъ называемаго «средняго класса», или, примѣнительно къ большевицкой революціи въ Россіи – безликой псевдо-человѣческой массы.

Революція, вообще, есть стремленіе уравнять и обезличить людей въ типѣ средняго, безвреднаго, работоспособнаго, но безбожнаго и безличнаго человѣка. Безличные и безбожные люди образуютъ безформенную массу, которой легче всего внушить страхъ передъ любой властью.

Само собой разумѣется, что такой рабскій страхъ выгоденъ только незаконной, преступной власти. Такимъ образомъ, массовое общество, въ которомъ отсутствуетъ сословное (или, хотя бы, корпоративное) дѣленіе, обречено на неизбежное крушеніе своей національной государственности, и, какъ слѣдствіе, на долговременное рабство.

Поэтому сословность есть наилучшая форма соціальной организациі общества. Особенно это справедливо для монархическихъ націй. Сословный соціальный строй составляетъ естественную принадлежность неограниченной монархіи, гдѣ отдѣльные интересы имѣютъ каждый свою организацию, и надъ всѣми возвышается объединяющіеся ихъ верховная власть.

Сословный строй – такой, въ которомъ государство строится на специализированныхъ соціальныхъ группахъ (сословіяхъ), а не на отдѣльныхъ личностяхъ. Сословіе – это соціальная группа, обладающая закрѣпленными въ обычаѣ или законѣ, и передаваемыми по наслѣдству правами и обязанностями.

Всякій человѣкъ въ національномъ государствѣ живетъ не изолированно, а въ системѣ группъ, съ которыми связанъ многоразличными интересами. Хотя пребываніе въ опредѣленной соціальной группѣ естественно связываетъ произволъ человѣка, но зато даетъ ему и силу. Въ своихъ стремленіяхъ и требованіяхъ онъ только тогда представляетъ

силу, съ которой всё́мъ приходится считаться, когда за плечами его стоитъ значительное количество единомышленниковъ, имѣющихъ тѣ же охраняемыя государствомъ права и обязанности, что и онъ самъ.

Нахожденіе въ сословномъ строѣ даетъ человѣку реальные интересы, и придаетъ цѣль и силу его стремленіямъ, а, стало быть, увеличиваетъ его самостоятельность, чѣмъ и гарантируетъ его свободу.

Для сословной организаціи, обычно включающей нѣсколько сословій, характерна іерархія, выраженная въ неравенствѣ ихъ положенія и привилегій. Въ Россіи ко второй половинѣ XVIII вѣка утвердилось сословное дѣленіе общества на дворянство, духовенство, крестьянство, купечество и мѣщанство.

Сословность была причиной многихъ ограниченій и стѣсненій. Однако, именно сословное дѣленіе русскаго народа утверждало и воспитывало въ нёмъ **смирненіе** и **дисциплину**. Эти качества составляли душевную красоту русскаго народа и дѣлали его истинно великимъ народомъ.

Чтобы русскій народъ будущаго продолжалъ быть для остальныхъ народовъ міра примѣромъ истиннаго христіанскаго благочестія, онъ долженъ быть снова и мудро стѣсненъ въ своей негативной свободѣ, удержанъ на скользкомъ пути эгалитарнаго своеволія.

При меньшей свободѣ, при меньшихъ порывахъ къ всеобщему равенству, которое, вообще, противно человѣческой природѣ, будетъ больше серьезности. А при большей серьезности, будетъ гораздо больше и того истиннаго достоинства въ смирненіи, которое всегда такъ красило русскій народъ.

Безъ строгихъ и стройныхъ ограниченій, безъ новаго и твердаго разслоенія общества, безъ возстановленія сословнаго строя русскаго общества, Русская нація не сможетъ сопротивляться неизбежному внѣшнему давленію могущественнаго міроваго правительства.

Съ релігійно́й точки зрѣнія, замедленіе предсмертнаго мірового безбожно-анархическаго уравненія посредствомъ возстановленія въ націи сословнаго дѣленія необходимо для задержанія прихода крупнѣйшаго революціонера изъ людей – Антихриста.

Для замедленія всеобщаго уравненія и анархіи необходимъ, прежде всего, могучій русскій православный Царь. Для того, чтобы Царь былъ силенъ, то есть и страшень, и любимъ націей, - необходима прочность соціального строя, меньшая его перемѣнчивость и подвижность. Требуется устойчивость психическихъ навыковъ у милліоновъ его подданныхъ. Для устойчивости этихъ психическихъ навыковъ и необходимы сословія.

Именно строгое разграниченіе сословій позволило Россіи стать въ политическомъ и экономическомъ отношеніи такой, какой она была къ началу XX вѣка. Такимъ образомъ, возрожденіе сословности, какъ и возстановленіе Престола Православныхъ Царей, есть актъ глубоко контрреволюціонный.

Равно какъ и русскій сверхнаціонализмъ есть форма русской національной контрреволюціи. Русскіе сверхнаціоналисты возрождаютъ Бѣлую идею русскихъ добровольцевъ первой гражданской войны, но, въ отличіе отъ нихъ, вкладываютъ въ нея конкретное національное содержаніе.

Никакого непредрешенчества. Никакихъ компромиссовъ съ революціей, то есть съ сатаной. Бѣлая идея русскихъ сверхнаціоналистовъ есть идея ликвидаціи политическаго режима безбожниковъ и возстановленія православной самодержавной монархіи въ Россіи. Только съ такимъ содержаніемъ Бѣлая идея является дѣйствительно контрреволюціонной, и дѣйствительно – **Бѣлой**.

Возстановленіе самодержавія въ Россіи предполагаетъ реабилитацію въ душахъ русскихъ людей національнаго политическаго идеала, который находитъ свой источникъ и свое оправданіе въ русской національной идеѣ Святой Руси. Русская національная идея Святой Руси заключается въ томъ, чтобы

своимъ національнымъ примѣромъ истиннаго христіанскаго благочестія привлечь къ истинной вѣрѣ и другіе народы міра.

Истинное христіанское благочестіе освящаетъ и совершенно посвящаетъ человѣка Богу, оно состоитъ въ исполненіи истинной воли Божіей въ то время, въ томъ мѣстѣ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя Богъ поставилъ человѣка, - въ охотномъ и радостномъ исполненіи всего того, что Онъ требуетъ отъ него. Но, такъ какъ основаніе воли Божіей иногда бываетъ для насъ неизвѣстно, то долгъ самоотверженія требуетъ, чтобы мы ея исполняли рабски, съ повиновеніемъ слѣпымъ, но мудрымъ въ самой слѣпотѣ своей.

Русская національная идея требуетъ отъ каждого русскаго человѣка самоотверженія и самопожертвованія, которыя неразрывно связаны съ многоразличными страданіями. Вѣдь къ будущей, вѣчной жизни человѣкъ тогда только бываетъ способенъ, когда въ настоящей жизни его обременяють многочисленныя бѣдствія.

Русскому народу должно благодарить Бога за всё, за радости и за страданія, посылаемая для его вразумленія. Русскому человѣку должно идти по узкому пути, по слѣдамъ малаго числа избранныхъ, по пути святыхъ, по трудной стезѣ самоотверженія.

Россіи было ввѣрено Богомъ Православіе, она была единственнымъ крѣпкимъ пріютомъ и оплотомъ истинной Христовой Церкви на землѣ. Такой, и только такой, надлежитъ стать и будущей Россіи.

Но путь возстановленія Престола Православныхъ Царей, и, какъ слѣдствіе, возрожденія Россіи, лежитъ только черезъ уничтоженіе безбожнаго политическаго режима. Повсемѣстная его ликвидація возможна только при народномъ сопротивленіи режиму. То есть, важнѣйшимъ условіемъ для паденія ига безбожниковъ, объ избавленіи отъ котораго уже много лѣтъ молить Господа Силь каноническая Русская Православная Церковь Заграницей, является существованіе православнаго русскаго народа.

Окончательное преобразование русскаго народа въ Русскую націю наступитъ тогда, когда онъ, предводительствуемый русскими сверхнаціоналистами, свергнетъ ненавистный большевицкій режимъ.

Русскій сверхнаціонализмъ признаетъ необходимымъ объединеніе усилій націоналистовъ разныхъ странъ въ борьбѣ противъ міровыхъ разрушительныхъ силъ. Эпоха межнаціональныхъ войнъ давно прошла, и прошла, вѣроятно, навсегда. Теперь каждая нація должна быть заинтересована въ существованіи и благополучіи остальныхъ націй.

Только такъ, въ союзѣ націй, возможна успѣшная борьба противъ міровой закулисы. Если какое-либо національное государство посчитаетъ необходимымъ помочь русскому національному движенію съ цѣлью возрожденія русскаго національнаго государства, русскіе сверхнаціоналисты примутъ эту помощь.

Что касается націй, которыя могутъ въ ближайшемъ будущемъ образоваться изъ нѣкоторыхъ племенъ и народностей бывшей Россійской Имперіи, то русскіе сверхнаціоналисты въ отношеніи этихъ народностей будутъ соблюдать дружественный нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока вожди этихъ народностей не пожелаютъ присоединиться къ русскому національно-созидательному движенію и признать политическій авторитетъ русскихъ сверхнаціоналистовъ.

Русскій сверхнаціоналистъ есть вѣрный сынъ Матери-Церкви, для котораго русская народная поговорка: «Кому Церковь не мать, тому Богъ – не Отецъ» является первымъ правиломъ личнаго спасенія.

Иерархія канонической Русской Православной Церкви Заграницей является единственной законной духовной властью на территоріи Россіи сегодня. А потому слѣдованіе наставленіямъ и поученіямъ священноначалія есть первая обязанность русскаго сверхнаціоналиста.

При этомъ необходимо имѣть ввиду, что въ современную предантихристову эпоху Православная Церковь не можетъ не

быть гонимой въ какихъ-либо формахъ безбожными властями. Только та религіозная организація является дѣйствительно истинной Русской Церковью, которая сохранила каноническую апостольскую преемственность и имѣетъ неповрежденное православное вѣроисповѣданіе, въ томъ числѣ въ вопросѣ о политической власти.

Тѣ псевдо-церковные образованія, которыя именуютъ себя Русской (Россійской) Православной Церковью, но при этомъ признаютъ богоборческій политическій режимъ наслѣдниковъ совѣтской власти и даже пытаются съ нимъ мирно сосуществовать, то есть исповѣдуютъ искаженное, антихристіанское ученіе, Церковью являться не могутъ.

Что касается вопроса о политической власти, то Помѣстная Россійская Церковь всегда имѣла свой идеаль богоугодной политической власти, прекрасно выраженный, на примѣръ, въ трудахъ святителя Филарета Московскаго. Отступленіе отъ этого идеала есть, въ частности, признакъ отпаденія отъ Святой Церкви. Исканіе же его чревато многими бѣдами.

Также русскіе сверхнаціоналисты сознаютъ, что существованіе Русской Церкви неразрывно связано съ существованіемъ русскаго народа, поскольку онъ составляетъ саму Помѣстную Церковь. Вопросъ бытія Россійской Помѣстной Церкви есть вопросъ бытія русскаго народа. Такимъ образомъ, процессъ возрожденія русскаго народа непосредственно связанъ со возрожденіемъ въ силѣ Помѣстной Россійской Церкви.

Итакъ, стремясь реабилитировать въ душахъ людей русскій національный идеаль Святой Руси, русскіе сверхнаціоналисты сами обязаны быть достойными этого идеала. Поэтому спасеніе собственной души для нихъ есть первостепенная цѣль, ибо весь міръ (какимъ бы «идеальнымъ» онъ ни былъ) не стоитъ даже одной человѣческой души. Для этого русскіе сверхнаціоналисты должны поставить своей личной задачей стяжаніе благодати Святаго Духа.

Сколько трудовъ, сколько стараній употребляютъ совѣтскіе безбожники для полученія ничтожныхъ удовольствій, которыя въ душѣ христіанина оставили бы по себѣ только однѣ угрызения совѣсти! Однако, истинное сокровище есть только сокровище благодати. И его-то русскіе сверхнаціоналисты должны искать и просить у Бога. Непрестанно молиться – вотъ что, по ученію Апостола, для этого необходимо.

Холодность къ молитвѣ есть источникъ многихъ другихъ отступленій отъ Закона Божія. Должно смирать себя, принуждать себя къ молитвѣ и чтенію трудовъ святыхъ отцовъ Церкви. Русскіе сверхнаціоналисты должны питать свою душу духовной пищей съ такой же заботливостью, съ какой питаютъ безбожники тѣло свое пищей тѣлесной, и смотрѣть на всѣ вещи міра сего очами искренней вѣры Христовой.

Дружба съ этимъ міромъ есть вражда противъ Бога. И тотъ русскій человѣкъ, который не вышелъ еще изъ среды безбожниковъ и не возненавидѣлъ всѣ связанна съ этимъ обществомъ безчисленныя искушенія, не можетъ называться русскимъ сверхнаціоналистомъ.

Несчастенъ человѣкъ, который здѣсь, на землѣ, станетъ искать и покой, и правду. Этотъ міръ возненавидѣлъ Христа, и возненавидитъ любаго, кто будетъ открыто проповѣдовать истинное православное христіанство.

Русскіе сверхнаціоналисты должны быть готовы къ этому и ко многимъ страданіямъ Христа ради. Богъ предопредѣлилъ намъ быть сообразными Образу Сына Своего, подобно Ему распинаться на Крестѣ, подобно Ему въ страданіяхъ возлагать всё свое упованіе на Бога, и переносить ихъ спокойно, съ вѣрой и надеждой на Всемогущаго Бога, дающаго побѣду надъ врагами.

Мы должны быть совершенно въ волѣ Божьей, и предоставлять Ему благословлять наши слабые труды такими успѣхами, какими Ему будетъ угодно, или никакими, если Ему негодно будетъ.

Русскому сверхнаціоналисту не слѣдуетъ предаваться безплоднымъ мечтаніямъ о будущемъ, не слѣдуетъ дѣлать заключеній и прогнозовъ о томъ, какими путями Господь приведетъ насъ къ побѣдѣ. У послушниковъ Христовыхъ въ предметѣ должна быть воля не своя, а Божія, которая и Апостоламъ, и намъ воспретила изслѣдовать будущее, его же Богъ положилъ во власти своей.

Русскій сверхнаціоналистъ своимъ служеніемъ Богу и Отечеству беретъ на себя Крестъ и слѣдуетъ за Христомъ на Голгоѳу. Но страхъ за себя, за ближнихъ своихъ можетъ поколебать вѣру сверхнаціоналиста въ его однажды принятое благоразумное рѣшеніе бороться до конца.

Но онъ въ такомъ случаѣ долженъ помнить, что тѣмъ больше онъ боится Креста, тѣмъ болѣе имѣетъ нужды въ немъ для спасенія своей души. Мы не можемъ удалиться отъ Креста, не удаляясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Христа Іисуса Господа, распятаго на немъ, ибо Крестъ и распятый на немъ — нераздѣльны.

Будемъ молить Господа нашего, чтобы Онъ, даруя намъ Крестъ Свой, даровалъ вмѣстѣ съ тѣмъ силу распяться на немъ, и чтобы ниспослалъ намъ духъ любви къ русскому народу, къ Россіи, любви къ человѣчеству, и незлобія къ врагамъ нашимъ личнымъ.

Вышеперечисленныя положенія доступны всеобщему оглашенію и составляютъ одни изъ важнѣйшихъ принциповъ организациі русскихъ сверхнаціоналистовъ, которая съ лозунгомъ «Богъ. Царь. Нація!» въ процессѣ своей борьбы обнаружитъ наиболѣе жизнеспособныя формы.

* * *

